Маша очнулась посреди сумеречного леса, почти раздетая, босиком, одна... Она знала, что Катрин рано или поздно откроет на нее охоту, но почему вампирша бросила ее тут? Кто помешал ей осуществить задуманное и почему рядом нет Макса? Преследования, тайны, интриги — как много еще надо преодолеть, чтобы отстоять свою любовь и доказать, что дитя тьмы Макс и Охотник за вампирами Маша могут быть вместе!

Читайте в серии:
ВЛЕЧЕНИЕ
ОТКРОВЕНИЕ

Скоро!
ПРЕВРАЩЕНИЕ

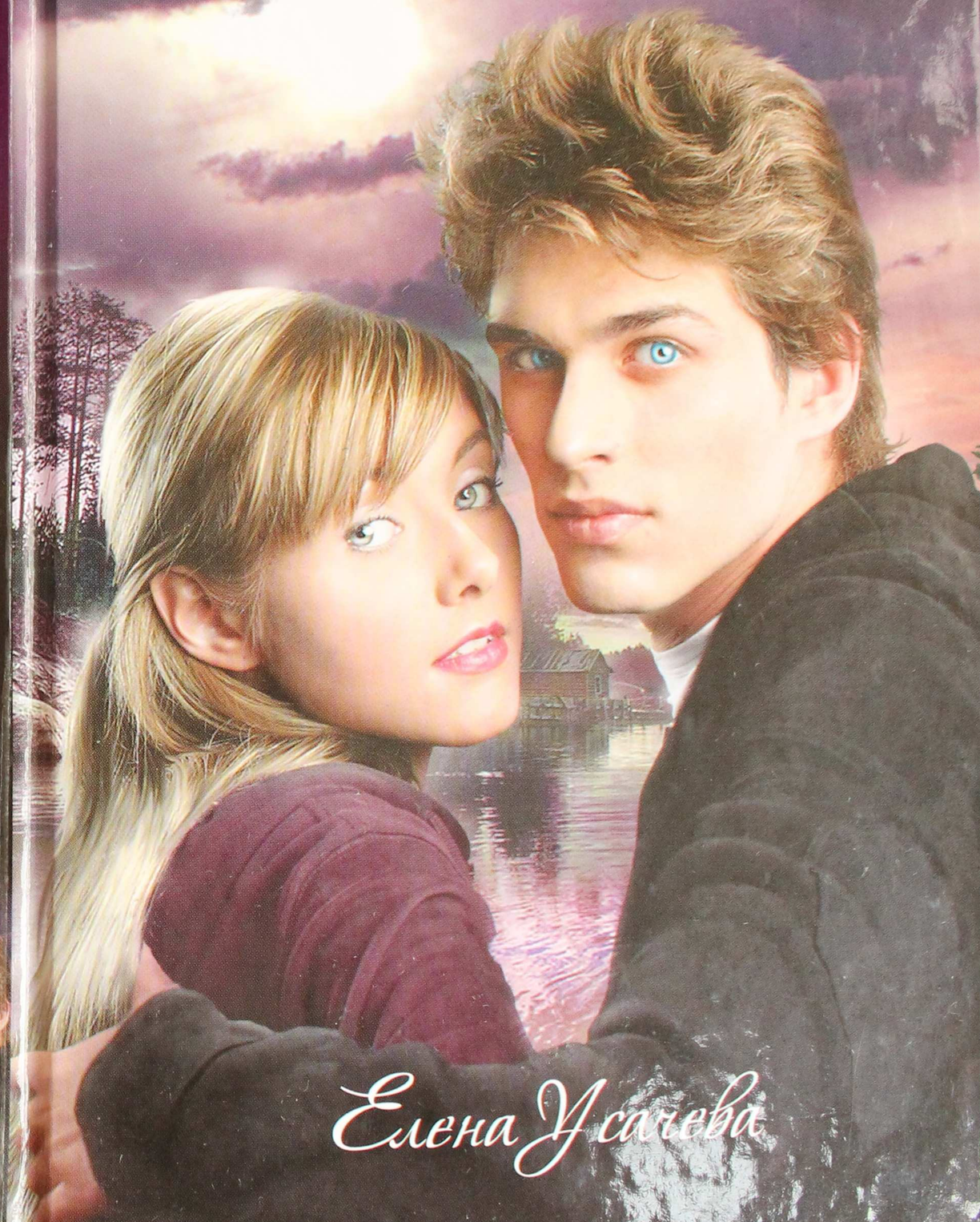
ISBN 978-5-699-39942-0

Елена Усачева

ЖЕЛАНИЕ

ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК

ЖЕЛАНИЕ



Елена Усачева

Елена Усачева

ЖЕЛАНИЕ

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-3-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
У 74

Оформление серии *Андрея Старикова*

В оформлении переплета использован коллаж
Вячеслава Коробейникова

Фотограф *Андрей Васильев*

На переплете
Василий Степанов и *Ольга Головина*

Усачева Е. А.
У 74 Желание : роман / Елена Усачева. — М. : Эксмо, 2010. — 352 с. — (Пленники сумерек).

ISBN 978-5-699-39942-0

Маша и Макс в сетях интриг — вампиры хотят, чтобы девушка стала одной из них; Охотники за нежитью мечтают привлечь ее на свою сторону. А еще неизвестно откуда появился колдун, получивший над Машей странную власть и у которого на нее свои планы. В водовороте страстей и желаний молодым людям грозит много опасностей, но в борьбе за свою любовь они готовы пойти на что угодно.

УДК 82-3-93
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-39942-0

© Фото. Васильев А., 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Выражаю благодарность
Хансу-Георгу Шнааку
за помощь в переводе на немецкий язык

Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее — стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее. Если бы кто давал свое богатство за любовь, то он был бы отвергнут с презрением...

Песнь Песней. 8:6—7

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,
Все равно.
Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино!
Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни, шерри-бренди,
Ангел мой.

О. Мандельштам

Петарды яркими вспышками озаряли двор. В их обманчивом свете проявлялись то деревья-уродцы, то пригнувшиеся кусты, то изломанные тени людей. Группка из трех человек стояла в сторонке, смотрела вверх. По их лицам бегали испуганные всполохи — красные, белые, зеленые. Двое за их спинами переговаривались, в вспышке очередной петарды было видно, как из-под их локтей выныривает ленивый сигаретный дымок. Хлопок взорвал тихий воздух двора, заставил оглядываться. Что-то здесь еще происходило, но металический свет огней не достигал до противопо-

ложной стороны площадки. И я двинулась туда, хотя в душе колотилась тревога. «Стой! Halt!»

Там никого не должно быть! Я предупредила! Ни с кем не должно произойти ничего плохого! Я устремилась вперед, увязая в кисельноватном сне, с его бесконечным движением на одном месте, понимая, что ничего не сделаю. Даже если успею добежать.

Обычный кошмар. Порой он становится явью. И я никак не могу понять, где тот момент, когда еще можно что-то исправить. Где та варежка, что потерялась в сугробе, да так и осталась там навечно, как символ безвозвратно уходящего прошлого, которого ни исправить, ни забыть нельзя.

Глава 1
ПРИЗРАК БЕЛОЙ МЫШИ

От чего обычно просыпаешься? От звонка будильника. Это понятно — пора в школу. Летом, когда настежь открыто окно, от заоравшей за окном автомобильной сигнализации — если вдруг где-то что-то с грохотом уронят. Испуганное эхо потом долго гуляет по дворам. Тогда просыпаешься с диким желанием тоже на кого-нибудь что-нибудь уронить. Еще можно проснуться от кошмара. Такое со мной раньше бывало частенько. Теперь я во сне летаю. Сердце громко бухает то ли от восторга, то ли от испуга, что упаду. Но я не упаду. А поэтому в момент пробуждения всегда улыбаюсь. Как сейчас. И снится мне Макс. Разный. Сегодня он шел ко мне, и в его волосах был снег.

Теперь я знаю ответ на сложнейший вопрос десятилетия — где познакомиться с самым классным парнем на свете. Жаль, что я ни с кем не могу поделиться своим знанием, — секрет подходит только для меня. С любимым нас соединила ночь и мой мир призраков. Макс оттуда, из моих кошмаров. Можно сказать, прямо с кладбища ко мне и пришел. Кому рассказать — не поверят. Ну, разве только Лерка Маркелова, сумасшедшая готка, единственная, кто не бросил меня в моей болезни.

Я болею. В детстве казалось, что может быть лучше — лежи себе, пей чай с вареньем, смотри телевизор. Красота! Но я болею уже вторую неделю, и никто не может понять, что со мной происходит. Состояние гадостное, все вокруг раздражает, и если бы не моя слабость, я давно бы уже что-нибудь натворила. Пошла бы на кухню и, например, перебила всю посуду. Но от одной мысли, что тогда придется вставать, у меня слипаются глаза.

Мой сон. Только он и радует. Если приснился, значит, скоро ко мне придет Макс. Все сразу становится приятным — и жаркая подушка, и сбившееся в пододеяльнике одеяло, и сползшая от моего постоянного верчения в кровати простыня. Вот только что-то еще сегодня в нем было... Какой-то двор... и я вроде бы бежала... Нет, нет, это всего-навсего сон, ничего не было. А что было, то давно забыто. Волноваться не о чем, все будет хорошо.

Сердце, сердце, не стучи так громко, я уже поняла, что идет мой любимый. В такт сердцу

звучат мерные шаги. Вот он вошел в подъезд, поднялся по лестнице, постоял около лифта, взялся рукой за перила. Идет пешком медленно. Очень медленно — специально для меня. Он дает мне время окончательно проснуться и подумать о нем. Знает, что я его жду.

А все-таки хорошо, что мой парень — вампир и я могу его чувствовать. Во-первых, никаких неожиданностей, я всегда предугадываю его появление. Во-вторых, абсолютно нерво-устойчивые отношения. Макс готов меня ждать хоть сто лет. Вот я болею, и он терпеливо приходит ко мне каждый день, развлекает разговорами, приносит книги, фильмы. При его появлении не надо вскакивать, бежать на кухню за бутербродами и чаем — Макс ничего не ест. Очень экономно!

От последней мысли я проснулась окончательно, а когда Макс возник на пороге комнаты, не смогла сдержать довольной улыбки. Спрятала нос в одеяле и все равно хмыкнула.

— О чем думала? — дернул бровью Макс.

С мимикой у него не очень. Нет, если, конечно, сравнивать с другими вампирами, то он — взрыв эмоций — и улыбнуться может, и нахмуриться, а в его прозрачно-голубых глазах я тону каждый раз, как только посмотрю в них. У остальных вампиров, если что и живет на лице, так только глаза. Звучит шаблонно, но что поделать, если так и есть на самом деле.

— Чему улыбаешься? — Макс сел на стул, который со вчерашнего дня никто не трогал.

— Я подумала, что если бы ты был из семейства плодожорок и каждый день совершал налеты на холодильник, то мама выгнала бы тебя через неделю. А так — даже чай не пьешь. Удобный гость.

— Да, мы такие!

Макс откинулся на спинку стула, и только сейчас я заметила у него пакет — рука в черной перчатке держит белую плотную сумку. Судя по размеру — несколько книг. Принес себе парочку любовных романов, чтобы не заскучать? Или для меня?

— Вообще от нас много пользы, — с гордостью произнес он, похлопывая свертком по ладони.

— С этого момента поподробней, пожалуйста.

Я локтем поправила подушку, чтобы было удобней лежать. День обещал быть приятным. Более интересного собеседника, чем Макс, я в жизни не встречала. Да и вообще другого такого нет — красивый, щедрый, терпеливый. Не парень, а мечта!

— Польза раз: предлагаю тебе не терять времени зря и немного позаниматься.

— Ой, только не это! — Я начала сползать обратно в горизонтальное положение, натягивая одеяло на лицо. — И вообще — с больными надо общаться осторожно. Мне нельзя перенапрягаться!

— Я сегодня говорил с директором твоей школы. — Макс сделал многозначительную паузу, пристально посмотрел на меня, заставляя забыть, о чем я только что говорила. Если он ожидал от меня благодарности, зря тратил время. Слово «школа» не рождает во мне приятных ас-

социаций. — Он согласился, чтобы ты до Нового года сдала все предметы экстерном.

— Экстерном? — Одеяло застряло на полпути, около подбородка. — Зачем?

— Школа — это то, что привязывает тебя к одному месту. Если ты получишь аттестат, мы сможем, например, куда-нибудь съездить.

— Мы?

Макс стал разворачивать пакет.

— «Мы» — множественное число от «я». Я, — показал он на себя. — Я, — указательный палец качнулся в мою сторону. — Достаточно. Остальные — «они».

Молниеносным движением Макс вынул книги из пакета — довольно потертые учебники. На корешке одного из них я прочитала слово «алгебра» и спряталась под одеяло окончательно, не забыв оставить щелочку для подглядывания.

— Я болею! — Кажется, это единственный плюс — можно на время забыть о дифференциалах. Мне легче написать двадцать пять сочинений, чем разобраться, что такое логарифм.

Макс застыл, взвешивая книги на руке, словно оценивал, насколько они тяжелые для моей несчастной головы. Я сама не в восторге от своего состояния — постоянная слабость, температура, странные головокружения и сонливость. Врачи говорят: что-то нервное. И правда, предыдущая неделя была у меня не из легких.

В коридоре послышались шаги. О, моя мама! Последнее время она проявляет обо мне повышенную заботу, даже работу забросила — давненько я не болела так долго и так непонятно.

— Я подумал, занятия отвлекут тебя от болезни. Мы обманем твой организм — ты начнешь заниматься, он решит, что здоров, и все пройдет. «Den Teufel mit dem Beelzebub austreiben»[1].

— Смешной метод. Но от математики ничего, кроме головной боли, не бывает! — В тонкости перевода с немецкого я не стала вдаваться. Макс любил вставлять словечки на своем языке. Кое-какие я выучила. Например, «Es klingelt»[2]. Макс часто мне напоминает о том, что я опаздываю на урок. Но к сегодняшнему дню это не относится.

Я посмотрела на его спокойное лицо, на постоянно меняющиеся, как будто удивленные глаза. Не знаю, о чем на самом деле думает Макс, но мне порой кажется, что в его глазах прячется недоумение. Как будто ему до сих пор странно, что он вот так запросто приходит ко мне в гости, сидит около моей постели. Вот еще учебники притащил!

Последнее время я часто задаю себе вопрос, за что я полюбила Макса. Когда мы только познакомились, меня задело, что он странно себя повел. Потом мне было его жалко. Еще был испуг, когда узнала, кто он на самом деле. Все. Дальше — только любовь. Почему? Потому что он существует на свете. С ним мне ничего не страшно. Стоит ему оказаться рядом, и мир вокруг как будто расцветает. Мой маленький пер-

---

[1] Немецкая фраза, похожая на русскую поговорку «Клин клином вышибают».

[2] Звенит звонок *(нем.)*.

сональный стереоэффект. Сначала картинка плоская, а надел очки — и вот уже все в объеме. Макс надежный. Порой мне кажется, что я начинаю смотреть на мир его глазами. Глазами вампира.

Жаль, я никогда не увижу Макса в его родном девятнадцатом веке. Он родился в тысяча восемьсот каком-то там году. Тогда все было другое, хотя Макс утверждает, что особой разницы нет. Люди такие же. А он был таким, как все. Безупречные манеры, знание нескольких языков, умение играть на пианино, широкий кругозор. После его рассказов кажется, что девятнадцатый век был полон вампирами. Потому что сейчас хорошо себя вести и быть потрясающими парнями могут только они. Реальные парни обязательно страдают каким-нибудь дефектом. Либо с головой проблема, либо хромают на все четыре конечности.

— Маша!

Мне показалось, что я всего на секунду закрыла глаза, но, открыв их, поняла, что успела уснуть. Макс стоял, склонившись надо мной, заглядывал в лицо. Картинка медленно поплыла в сторону. Опять голова кружится. Я машинально прикрыла глаза ладонью. И — как вспышка или внезапно включившийся телевизор — увидела темную комнату, на столе мерцает экраном ноутбук, какие-то провода, пачки дисков, темный провал книжного шкафа, на полу книги, узкий темно-зеленый коврик, кровать, на которой кто-то лежит. Кровать кажется сдавленной между стенкой и широкой тумбочкой. На тумбочке пузырьки, блистеры с таблетками. Я наклоняюсь, чтобы, наконец, рассмотреть, кто лежит в кровати, но какое-то странное движение отвлекает меня. Я оборачиваюсь. С писком по тумбочке проносится стремительная белая мышь. Нет, даже не мышь, а крыса — я успеваю заметить ее длинный розовый хвост. Крыса ныряет в щель между коробкой и шкафом. От неожиданности я оступаюсь, делаю шаг, опрокинув несколько стопок книг. И видение пропадает.

— Эй, ты только не умирай, слышишь?

Голос Макса доносится издалека. А мне почему-то представилось, как я медленно опускаюсь на дно пруда. Надо мной толща воды, и кто-то с берега пытается докричаться до меня, заставить всплывать. Но я ничего не могу сделать. Вода, давящая на грудь, слишком тяжела.

— Я не могу умереть, я бессмертная, — пробормотала я. Но, судя по лицу любимого, мой ответ его не удовлетворил. Он стал отбирать у меня одеяло. Я сопротивлялась, но он взял пододеяльник за кончик и легко потянул на себя.

— Нашел с кем справиться... — пожаловалась я, потирая руку, — одеяло из пальцев выскользнуло, обжегши кожу. Сила у Макса огромная. — Холодно.

— Сейчас будет еще холоднее, — пообещал он, сел ко мне на кровать, скинул тапочки и стал устраиваться рядом со мной под одеялом.

— Ха! — вырвался у меня смешок. Неприятное видение медленно испарялось. — Ты ничего не перепутал? Больных обычно греют, а не охлаждают.

Макс глубоко вдохнул и, словно решившись, крепко обнял меня, прижимаясь всем телом. Я вытянулась, ощущая, что рядом со мной сейчас лежит половина льдов Антарктики с парочкой замороженных белых мишек. Макс был ледяной. Но не ледяной как сталь на холоде, а приятно прохладный, как человек, только что вошедший в комнату с сильного мороза. Мягкая кожа, еле уловимый чуть сладковатый аромат. Прохлада его тела входила в меня, вплеталась в мои неубиваемые тридцать семь и пять, и мне становилось хорошо.

— Я тебя заражу, — прошептала я ему в ухо.

— Попробуй, — хмыкнули мне в ответ.

Получив разрешение, я подняла лицо, собираясь его поцеловать. Почувствовала, как он напрягся, перестал дышать, но губы не отвел. Ответил поначалу робко, а потом вдруг настойчиво, резко, придавив меня собой. Моя голова мгновенно выключилась. Все вокруг превратилось в одно страстное желание — не разрывать объятия, не прерывать поцелуя. Не помню, что делала, мои мозги благоразумно отвернулись, оставив тело в одиночестве справляться с накатившим чувством.

Секунда, незначительный микрон в потоке времени, и вот уже Макс снова сидит на стуле, перекинув ногу на ногу. Пульсирует зрачок, губы крепко сжаты. Я одна среди разворошенной постели и выгляжу не лучшим образом. Хочу успокоиться, но сердце только сильнее начало биться. С трудом удалось сдержаться, чтобы не кинуться Максу на шею и не потребовать продолжения поцелуя. Голова вдруг стала легкой, я ее вообще не ощущала. Болезнь ушла. Я подалась вперед, собираясь встать. Чтобы снова почувствовать в своих объятиях его ледяной жар, снова оторваться от земли и улететь в небеса. Чтобы снова его поцеловать.

— Тебе лучше? — спросил Макс, стараясь не разжимать губ.

Ага, я сейчас чуть не стала свидетелем превращения любимого в вампира. Выходит, мы с ним никогда...

— Кхм! — раздалось за дверью, и по коридору прошуршали шаги.

Макс не шевельнулся. Даже бровью не повел. Я же готова была бежать разбираться с мамой.

— Она нас видела! — прошептала я, спуская ноги с кровати.

— Да? И что? — Макс потянулся, взял верхнюю книжку из стопки и стал лениво перелистывать.

— Как что? — опешила я и тут же ощутила резкие толчки в виске. Опять головная боль! Быстро она вернулась.

— Во-первых, в следующий раз будем лучше закрывать дверь. — Макс захлопнул учебник. — Во-вторых, в тот же самый следующий раз я приглашу тебя к себе. В-третьих, я на тебе женюсь, и нам вообще никто никогда не будет мешать.

— И не мечтай! — Я вновь закопалась в одеяло. Ничего себе заявки. — Я за холодильники замуж не выхожу. И вообще рано об этом говорить!

От смущения я готова была утонуть лицом в

подушке, но Макс не позволил — обнял меня за плечи, вынимая из кровати, заставляя сесть.

— А когда об этом можно будет говорить? — невинным голосом спросил он.

Нет, ну что за дела! Я готова сквозь землю провалиться, а он смотрит так, словно проверяет на детекторе лжи.

— Не знаю. — Я старательно отводила глаза. — После окончания школы.

— Хорошая мысль! — Макс поднял над головой учебник. — С какого предмета начнем?

— Ты так легко говоришь, будто двадцать раз был женат! — возмутилась я.

— Двадцать раз не был, — качнул головой Макс, с явным удовольствием разглядывая, как я кутаюсь в одеяло, устраиваясь поудобней. — Был помолвлен. Один раз.

Хорошо, что я сидела в кровати, а то упавшая от удивления челюсть разбилась бы о жесткий пол.

— С Катрин? — вырвалось у меня. Молчи, молчи, молчи! Сколько раз ругала себя за несдержанность. Ну вот зачем я вообще вспомнила гадкую вампиршу? Других тем для разговоров у нас, что ли, нет? Она исчезла. Исчезла из нашей жизни навсегда и больше не появится.

— Ее звали Мари.

— Какое совпадение! — фыркнула я, отворачиваясь.

— Мари-Хелен. — Макс делал вид, что не замечает моих острот. — У нее были такие же волосы, как у тебя.

Были? И сплыли? До недавних пор я считала ревность страшной пошлятиной. Что может быть глупее, чем изводить любимого придирками, бесконечными вопросами и подозрениями? Но сейчас мне именно этим и хотелось заняться — задавать вопросы и изводить придирками.

Если я ничего не могла понять по лицу Макса, то он считывал мои эмоции, как с книжной страницы. По его довольной улыбке я поняла, что мои старания сдержать поток вопросов замечены.

— Прелестная была девушка... — длил мои мучения Макс.

— Чем выгодно отличалась от меня... — поддакнула я. Так, кажется, сейчас начнется маленькая атомная война.

— Еще как отличалась! — расширил глаза Макс.

— Ты был влюблен? — накручивала я себя все больше и больше. Сейчас он скажет «да», и я что-нибудь в кого-нибудь брошу.

— Не то слово!

В эту секунду Макс совершенно не был похож на вампира. Улыбка, глаза, восторг на лице... Не хватает только румянца. Ну, все! Я запустила в него подушкой. Не попала. Короткое движение, и подушка в руке Макса. Я быстро оглядела себя. Можно было еще метнуть одеяло, но оно точно не причинит ему вреда. Я наклонилась. Белая ладонь легла на тапочек раньше, чем я успела его коснуться.

— Ты с ней целовался? — прошептала я.

— Ты целуешься лучше.

Он был слишком близко, я склонилась к его

губам быстрее, чем успела что-либо сообразить. На секунду сама себе показалась огнедышащим драконом — настолько холоден был его рот и настолько горяча я.

— Чем еще мы отличаемся? — пробормотала я, забираясь обратно на кровать и отбирая свою подушку. В горле вдруг запершило, я с тревогой оглянулась. Мне показалось? По полу вроде кто-то пробежал. От книжного шкафа к столу. Глупость, показалось, конечно. Я повернулась, готовая слушать рассказ любимого и ни в коем случае не думать о белой мыши.

— Она была умной, — спокойно произнес Макс. Пока он говорил, душа моя успела подпрыгнуть, стукнуть меня по мозгам и обиженно уползти в пятки. — Любила учиться. Я был у нее репетитором. Ей совершенно не давалась математика.

— И вы за неспешным изучением теоремы Пифагора... — продолжила я пасторальную картинку. О чем он думает? Зачем мне все это рассказывает!

— Мы были помолвлены, — согласно кивнул любимый. — А потом я умер.

Я кубарем скатилась с небес язвительности на землю стыда, обиды тут же забылись. Бедный! Какая печальная история!

— И что же та девушка? — прошептала я. Если сейчас он скажет, что она была первая, кого он покусал, став вампиром, я разрыдаюсь. Или она от тоски бросилась со скалы и теперь бродит бестелесным призраком по улицам Берлина...

— Ни-че-го. — Макс потер руки, словно стряхивал с них прожитое. — Ab-so-lut nichts. Поужасалась. Поубивалась. А потом вышла замуж.

— А ты? — Какой ужас! Я вот так запросто разговариваю с человеком, который столько всего пережил! — Разве ты не пришел к ней рассказать, что произошло?

Бедная девушка! Несчастный Макс! Я бы, наверное, с ума сошла от переживаний.

— Ты же любишь читать, — Макс кивнул в сторону книжных полок, — и, вероятно, знаешь, что подобные разговоры до добра не доводят. Вряд ли ей стало бы легче, узнай она, кем я стал.

Я посмотрела на ряды книг, пытаясь сообразить, какую конкретно имеет в виду любимый. Толстого, знатока человеческих душ? Тургенева, певца девичьих сердец? Достоевского, защитника «униженных и оскорбленных»?

И тут мне снова показалось, что под столом что-то промелькнуло. Вот только персональных галлюцинаций мне здесь не хватает!

Мой отстраненный взгляд Макс понял по-своему.

— О чем ты размышляешь? — Голос его стал напряженным.

— Что? — Я все еще вглядывалась в темноту пространства под столом. — Не знаю.

Только не думать о белой мыши... Только не думать!

— Считается, что любить умеют не все, — неспешно заговорил Макс. — Это некая особенность души. Но так как, по мнению исследователей, души у вампиров нет, мы же проклятые

создания, променявшие души на вечную жизнь, то мы автоматически лишаемся способности любить, не имеем привязанностей и вообще крайне равнодушные ребята.

Он размышлял вслух, а я все больше и больше чувствовала, до какой же степени я гадкая и мерзкая. Конечно же, Максу было неприятно об этом вспоминать, я же своими глупыми вопросами заставила его вернуться в прошлое. Мыши еще тут у меня белые...

— Не знаю, что стало с моей душой и кто положил ее в небесный ломбард, но тебя я люблю. Говорю с уверенностью, потому что уже сталкивался с данным чувством. Сравнивать, конечно, нельзя. Но это любовь.

Он улыбнулся своей сдержанной, так сильно меняющей его улыбкой, и я словно увидела перед собой прошлого Макса. Макса столетней давности. Макса человека.

— Но почему же ты ее потом... перестал любить?

— В жизни иногда случаются события, когда становится не до любви.

— «В жизни случаются события...» — машинально повторила я, вспоминая все то, что мне довелось пережить с любимым. И столкновение с готами, и автокатастрофу, и поездку в Москву к охотникам за вампирами — Смотрителям. Разве за все это время было хоть одно мгновение, когда я не думала о Максе, когда на вопрос, что для меня важнее — жизнь или любовь, я не ответила бы: любовь?

— Сейчас все по-другому, — перебил мои размышления Макс. — Хелен давно умерла. Все прошло...

— Прошло? — Что-то меня сегодня бросает то в жар, то в озноб, то в ревность, то в панику. Что он хочет сказать? Почему так медленно говорит? Что за манера тянуть время и не открывать всё с самого начала! Если он опять заявит, что для моего здоровья нам вредно быть вместе, я не знаю, что сделаю. Выброшусь из окна, потому что не смогу жить без Макса.

— Помнишь ту драку? Я так и не понял, из-за чего она произошла. Тебе еще руку порезали...

— Да, — потупилась я. По части глупостей я чемпион-ас, только я могла побежать защищать парня от хулиганов. — Ты потом сказал, что именно тогда заметил меня.

— Это было поразительно, — согласился Макс. — Ты же меня совсем не знала, а уже была готова защищать...

— Сам же говорил, что человек бывает гораздо страшнее любого вампира, — я не поднимала глаз.

— Но ты же не знала еще, что я вампир, поэтому вполне могла проявить осторожность!

— Мне хотелось только предупредить. Они ведь шли драться трое на одного. А потом, с Синицыным мы учимся в одном классе. Кто ж знал, что он такой дурак! — пробормотала я, возвращаясь к воспоминаниям о том вечере, когда мой одноклассник решил проучить неожиданно появившегося красавчика, приняв его за конкурента на дороге к девичьим сердцам. Но Макс оказался вне конкуренции.

Черт, получается, что я оправдываю дурака Птицу-Синицу, хотя повел он себя тогда по-свински: мало того, что натравил на Макса дружков, да еще и сбежал.

— Не в том дело. Было уже не важно, что они делали. Я их и не заметил совсем. Я увидел тебя и словно проснулся. Это была не любовь с первого взгляда, а только воспоминание, что такое чувство вообще существует. Мы никогда не говорили с тобой об этом, но я хочу, чтобы ты знала — ты стала частью меня. Я хочу быть рядом, хочу видеть мир твоими глазами.

— И я хочу! — неожиданно призналась я. Ах, что мой куцый, обыденный человеческий мир рядом с безграничным миром вампира.

— То, что я сейчас нахожусь здесь, все только осложняет. Если ты попросишь, могу сделать так, что все забудут о нашем существовании. Но мне кажется, это будет нечестно по отношению к тебе. У тебя своя жизнь, и ты должна ее проживать по правилам.

— К черту правила!

— Я не знаю формулу любви, не знаю, что ты сделала со мной, но ни одной женщине не удавалось заставить меня чувствовать себя человеком. И цвет волос тут ни при чем. Теперь я точно знаю. Я бы заметил тебя, даже если б ты не пришла тогда на площадку. Я люблю тебя.

Каждое его слово болезненным молоточком отдавалось в моей голове. Я поднесла ладонь ко лбу и сама не заметила, как произнесла:

— Кажется, у меня поднимается температура.

Макс удивился. Да, да, неэмоциональный вампир проявил ярко выраженную эмоцию. Словно какая-то программа дала в его мозгу сбой. Он дернулся, замер, глаза стали медленно наливаться чернотой.

Насладиться произведенным эффектом я не успела, потому что краем глаза снова заметила движение. Белая мышь. Сидела на столе и смотрела на меня красными бусинками глаз. Это был не случайный взгляд, не секундная заминка, а пристальный, целенаправленный. Не отворачиваясь, мышь стала медленно поднимать мордочку.

Я завизжала раньше, чем успела сообразить, что вообще-то мышей не боюсь. Макс крепко обнял меня, заслоняя собой от опасности.

— Мышь! — вопила я, не помня себя от страха. — Там мышь! — тыкала я пальцем сразу во все стороны.

Макс крепко, очень-очень крепко сжал меня в объятиях, ладонью притянул голову к своей груди.

— Там никого нет! — Слова гулко отдались в его грудной клетке.

Как он может видеть, если даже не смотрит на стол? Повернут к нему спиной, изучает что-то на противоположной стене. Ой, только не это!

— Максим, тебе не кажется, что Маше надо отдохнуть?

Вот куда смотрел Макс — на пороге комнаты стояла мама. Голос ее был сух, как наждачная бумага. А ведь когда-то Макс ей нравился.

— Хорошо, Виктория Борисовна. Я ухожу, — легко согласился он, пытаясь ссадить меня со своих колен.

Но я вцепилась в него мертвой хваткой.

— Останься! — воскликнула. Несмотря на все наши договоренности, что Макс не будет воздействовать на моих родителей, сейчас я была готова попросить его, чтобы он заставил маму закрыть дверь комнаты и забыть, что она здесь видела.

— Все по-честному, — ответил мне Макс на мою непроизнесенную просьбу, и я невольно соскользнула с его колен, вставая на ноги.

— Я боюсь! — Мне очень хотелось, чтобы он остался.

Макс посмотрел на стол и замер, прислушиваясь.

— Здесь никого нет, — повторил он. — Тебе показалось. Это болезнь. Скоро все пройдет.

И, чтобы окончательно меня успокоить, подошел к столу, провел по нему ладонью.

— Максим! — напомнила о себе мама.

— Я завтра приду, будем заниматься.

«Не уходи!» — кричало все внутри меня. Надо же, одно мгновение, один дурацкий мышиный взгляд вверг меня в подзабытое уже состояние ужаса. Вокруг что-то происходило. Неприятные воспоминания пробивались из глубин моего сознания, предвещая одни лишь неприятности. «Побудь со мной!» — билась требовательная мысль, но рот молчал, губы не шевелились. Макс словно запечатал их. Ему действительно надо было уйти. Остаться сейчас — значит нарваться на конфликт с мамой, усложнив и без того натянутые отношения.

А ведь он прав. Закончить школу экстерном — как раз то, что на время успокоит маму и даст нам возможность быть вместе.

— До завтра, — быстро закивала я. — Я посмотрю учебники.

— А я тебе принесу задания, — с пониманием посмотрел на меня Макс.

И я ответила таким же взглядом. Мол, извини, но что поделать, если я не так быстро реагирую на то, что ты хочешь мне сказать. Потерпи, я научусь, непременно научусь и стану твои мысли ловить с ходу.

— До свидания! — Мама цербером стояла в коридоре, словно Макс собирался убежать на кухню и спрятаться там под столом.

Макс даже не оглянулся. Коротко кивнул маме, скользнул за дверь. Еле слышно щелкнул замок. Мое сердце тревожно трепыхнулось, пытаясь полететь следом за ним, и успокоилось. Макса рядом не было. Он ушел. Ушел стремительно. Я перестала его чувствовать. Теперь он был очень далеко от моего дома.

— Маша, ты соображаешь, что делаешь? — Мама медленно переступила порог моей комнаты.

И тут я все поняла. Это была не мышь, а крыса. Белая крыса альбинос. Когда ко мне Маркелова приходила в последний раз? Пару дней назад? Не ее ли это рук дело?

— Как ты не понимаешь, сейчас не время любезничать с Максимом? Ваши чувства никуда от вас не денутся. Тебе надо хотя бы на ноги встать. Сколько времени уже болеешь, безостановочно пьешь лекарства! И как он ухитрился

пройти мимо меня, что я не заметила? В следующий раз увижу, захлопну дверь.

Мысленно я хмыкнула. «Все по-честному», — сказал Макс? Ах ты, мелкий врунишка!

— Вот выздоровеешь, кончишь школу... — Мама просто читала мысли Макса.

— Да, закончу школу, — машинально согласилась я.

Мне нужен телефон. Что-то я стала плохо соображать... Странные дела! Стоило Максу сделать шаг из моей комнаты, как болезнь с новой силой набросилась на меня — плечи ломит, в голову заползает ватная дурнота, в глазах появилась резь, хочется их закрыть, чтобы не открывать никогда. Макс на меня действует как персональный антибиотик. Принимать три раза в день до еды, после и вместо. На коврике в комнате ему, что ли, постелить? Пускай перебирается ко мне жить, раз такой полезный.

Голос Маркеловой в телефонной трубке был замогильно-печальный.

— Что плохого? — первое, чем поинтересовалась она.

— Привет Белле. Как она поживает?

В трубке раздалось шебуршание — Лерка пошла искать свою подопечную, крыску-альбиноса Беллу, а в просторечье Белку.

— Семечки грызет, — доложила Маркелова. — Других признаков жизни не наблюдаю.

— У меня по комнате бегает ее двойник. Приводи свою хвостатую живность на смотрины.

— Ух, ты! — оживилась Лерка, выпадая из образа страдающей готки. — Жди, мы сейчас.

Я покосилась на маму. Да, Маркелову она тоже вряд ли будет рада видеть.

— И прихвати тетрадки с заданиями. Решила немного подтянуть физику с химией, — произнесла я специально для мамы.

Та демонстративно закатила глаза и ушла к себе в комнату. Так, индульгенцию на визит Маркеловой я получила. А вот за Макса придется побороться. Если все действительно делать по-честному.

Глава II

ЗАКОН ИЗМЕНЕНИЯ

Я вернулась в комнату, отыскала свой сотовый, забралась в кровать.

Неприятная слабость липкими щупальцами вновь стала обхватывать тело. От усталости, от пережитого волнения начало подташнивать.

Какая же сложная штука любовь. Столько сил отнимает, столько жизненной энергии. И все равно приятно. Что будет дальше? Что случится через пять минут, через час, на следующее утро? Буду ли я все еще лежать в кровати или... Можно, конечно, сделать так, чтобы «или» не появлялось на весах выбора. Лежать и точка, никуда не пойду. Но именно это «или» мне нравилось. Макс взорвал мою жизнь, перетряхнул ее по песчинке, заставил мир крутиться в другую сторону.

Странно, а ведь раньше я думала, что живу. Живу спокойно, и меня все устраивает. Теперь все по-другому, и мне интересно, что будет завтра. Но я еще не знаю, чем мне за это придется

заплатить. А то, что за любовь приходится вносить плату, я уже поняла. Остается надеяться, что плата эта не будет равняться чьей-то жизни. Как один раз уже было.

Я хлопнула в ладоши, заставляя ожить на столе лампу. Она осветила стол. Пустой стол.

Была ли крыса? Или ее не было? А если была, то зовут ли ее Беллой?

Говорят, если случится атомная война и все погибнут, тараканы и крысы выживут. Белла не пропадет уж точно. Проверено. Шустрая крыска стала главным действующим лицом в недавней войне вампиров с людьми.

Как глупо тогда все получилось!

Я застонала, пряча лицо в подушку. Снова плачу. Я теперь все время плачу, когда вспоминаю пятницу 13 ноября. Ничего не могу с собой поделать. Как-то все неправильно... Пир во время чумы, праздник, превратившийся в похороны...

Я заставила себя сесть, рукавом вытерла щеки, оживила сотовый. Страдание — эмоция бесполезная, все равно ничего исправить нельзя. В будущем избежать подобного тоже невозможно. Ошибки не прогнозируемы.

Ошибки, ошибки... Кажется, я обречена их совершать.

Телефон пропиликал, сообщая о своей готовности тратить положенные на счет деньги. Не успел экран погаснуть, как пришло сообщение об эсэмэске. В душе шевельнулся неприятный холодок — не воспоминание, а слабый отклик, эхо чего-то очень хорошо забытого.

У меня скоро будет аллергия на сотовую связь. Она делает людей доступными, мне порой хочется кое для кого исчезнуть навсегда. Стать вне зоны доступа.

«Этот абонент звонил вам...»

«Олег!» — не столько прочитала, сколько догадалась я. Давно его не было. Давно я не включала мобильный.

Первым моим желанием было вырубить трубку. Но ведь могла позвонить Маркелова — неизвестно, какая мысль придет в ее крашеную голову! Еще забудет номер квартиры или домофона.

Да, выключать мобильный рано. Будем надеяться, что встреча с прошлым на эсэмэске и закончится. Мало ли, зачем Олег мог звонить? Может, я ему рубль задолжала. Или два. Других дел между нами не осталось.

Дыхание перехватило. Перед глазами встал темный двор, быстро двигающиеся темные фигуры, за углом в кустах в свете мерцающего экрана ноутбука удивленное лицо Антона. «Маша?..» От подъезда идет Ирина с катаной в руке...

Стоп! Хватит воспоминаний!

Я сунула сотовый под подушку, встряхнула одеяло.

Все получилось, как получилось, и закончилось. Теперь начнется другая жизнь. Кроме Макса, вампиров в городе больше нет. А Грегор?

Воспоминания болью отдались в груди, заставили согнуться пополам, сжать зубы, чтобы не завыть от отчаяния. Больно! Как же больно! И почему боль не проходит? Зачем она возвращается?

Я прижала к себе подушку, пытаясь восстановить дыхание. Сотовый качнулся, повернувшись ко мне экраном. Высветилось время «19-03». Сумма цифр — тринадцать. Что-то меня последнее время преследует число «тринадцать». Я быстро глянула на дверь. В углы откосов были воткнуты булавки с большими разноцветными головками, на стене висел оберег в виде домовика, на ручке окна болтается голубой кругляшок с белым равнодушным глазом внутри — от сглаза. На столе лежит колечко с бирюзой, крошечное, на мизинчик — от болезней и на удачу. Первое, что сделал Макс, когда у меня поднялась температура, принес мне новое колечко. Предыдущее раскололось. А температура у меня поднялась на следующий день после злополучной пятницы 13 ноября. Бегала по улице без куртки, перенервничала, вот и заболела. Но дело, конечно же, не в том. Абсолютно не в том!

Я медленно опустила подушку на телефон. Как жаль, что я не робот. Роботу можно приказать все забыть, и он забудет. А я обречена помнить. В наказание. Помнить всегда. Насупленные дома, редкие взрывы петард, неприятный металлический свет... Мы с Максом спешили, он оставил меня на площадке и велел ждать... А я все звонила и звонила Олегу, мне хотелось убедиться, что они ушли, что они успели... Вспышка — и я вижу то, чего не должна видеть. Вижу Ирину, а у нее в руке, как ее продолжение, на мгновение вспыхивает клинок. Она проводит им перед собой. И не обращая внимания на все выстроенные преграды, к ней подходит невысокий старик. Эдгар даже не останавливается, одним движением ломает ее и отбрасывает в сторону. А потом огни гаснут, и я больше не вижу ничего. Только в ушах звенит мой собственный крик ..

Хватит!

Я сидела, обхватив голову руками, приказывая себе не думать. Ни о чем. Только о белом слоне. Он печально брел в моей фантазии по черной дороге и на меня не смотрел. А еще я боролась с искушением позвать Макса. Я всегда его зову, когда мне становится грустно. Или тоскливо, как сейчас. И он приходит. Но Макс только что ушел, поэтому не надо его тревожить.

Ну надо же, Маркелова почти не заблудилась. И на то, чтобы пройти два квартала, ей понадобился всего час с небольшим. Можно сказать, персональный рекорд. В вечной борьбе с пространством Лерка вышла победителем. Браво!

Звонок возмущенно дребезжал. Я дождалась третьего сигнала и пошла открывать. Чем дольше гость ждет за дверью, тем больше у него потом претензий к хозяину. Все возмущения будут направлены на то, что его заставили лишнюю секунду протаптывать коврик. А вот те претензии, с которыми гость пришел изначально, могут оказаться забыты. В случае с Маркеловой это бывает полезно.

— Ну, тебя за смертью посылать! — ввалилась в прихожую Лерка. — Звоню, звоню, не открываешь!

— От смерти слышу! — кивнула я на ее обновленный прикид. Волосы Маркеловой снова

стали цвета воронова крыла. Она подстриглась, подвела глаза черным и стала похожа на галчонка. Как только выйду на улицу, куплю ей бархотку с черепом. Лерке будет приятно.

— Ты тоже не на сверхзвуковой ко мне неслась! — подбросила я веток в наш костер пикировки.

— Ну что, любительница глюков? — Маркелова прямо в своих ужасных черных ботинках протопала в мою комнату. — Колись, кого ты здесь опять поймала?

О, мама! Почему ты всегда видишь то, что не надо, и не замечаешь того, что стоило бы заметить? Хотя о чем я... Если Маркелова пришла, ее не выгонишь и дустом. Я рада была ее видеть. Своим комичным готским видом Лерка способна разогнать даже самую черную тоску.

— Белку принесла? — спросила я и только потом увидела, что рядом с ухом у Маркеловой торчит лысый красный хвост. Интересно, кто из них кого считает хозяйкой? Могу поспорить, что Белла уверена в своем главенстве.

Лерка привычным движением запустила руку себе за шиворот, выуживая на белый свет питомицу. Заскрипела новенькая черная кожа куртки.

— Мы пришли встретиться со своей тенью. — Лерка погладила крыску по спинке и спустила ее на пол. — Что у тебя тут опять произошло?

— Почему опять? — Я забралась на кровать, подобрав ноги, чтобы не мешать живности заниматься исследованием территории. — У меня уже неделю ничего не происходит. Нет, не неделю. Больше.

— А ты надпись на первом этаже видела? — хмыкнула Лерка. Из-под черных губ блеснули белые зубы.

Подруга у меня супер! Мы, наверное, с ней смотримся, как близнецы-братья. Вернее, сестры. Она двинута на интересе к смерти, а я на любви к вампиру.

— В воздухе висит фосфоресцирующая надпись «Съешь меня?» — старательно шутила я, загоняя в дальний угол своей памяти неприятные воспоминания. В самый пыльный и затхлый угол. Чтобы никто и никогда не сумел туда заглянуть.

— Если бы! — Лерка плюхнулась ко мне на кровать. Мама, где твои эпидемиологические нормы? — Там написано «Гурьева — вампир».

Я вздрогнула. Неприятные мурашки пробежали по рукам. Стало холодно, и я потянула на себя одеяло.

— Колосов развлекается, — буркнула я.

— Павлентий? — Лерка не замечала моего настроения. Вот и хорошо. От сложных вопросов я бы не отвертелась. — Видела его в школе. Какой-то он странный.

— «Будешь в печали, когда смерть за плечами»[1]. — Я еще пыталась шутить, но сама себе казалась неубедительной. — Он всегда такой был, ты просто не замечала.

— Ага, не замечала! — подпрыгнула на месте

---

[1] Строчка из поэмы Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца». *Здесь и далее примечания автора.*

Маркелова. — Он каждый день заходит к нам в класс и так смотрит, словно тренируется на роль Фредди Крюгера. Малинина его поначалу пыталась гонять, а потом перестала. Он к ней один раз подошел и стал на шею пялиться, так Стешка на следующий день пришла в джемпере с высоким воротником.

Я хмыкнула, откидываясь на стенку. Прекрасно! Игра называется «Те же и психи».

— По осени буйные оживляются, — мрачно произнесла я, наблюдая за ленивыми перемещениями Беллы по ковру.

— А мертвые встают из своих могил. — Лерка ботинком подтолкнула Беллу под зад — та вдруг села на краешке ковра и больше не желала никуда двигаться.

Жаль, но в моих видениях была не она. Честно говоря, втайне я очень надеялась, что видела настоящую крысу, Беллу. Вдруг Маркелова по забывчивости оставила ее у меня, и именно она шныряла по комнате? Но сейчас, глядя на белого зверька с красными заплаканными глазками, мне уже ясно: бегать она бы не стала. Маркелова, конечно, не слишком балует питомицу едой, но даже в таком стройном виде носиться Белла не собиралась.

— М-да, не она. — Вот и все, что я могла сказать.

— Ты тоже заметила? — засуетилась Маркелова, удачно плюхнувшись мне на ноги. — И я считаю, что ее подменили. В тот вечер и подменили. Ну, помнишь, когда вечеринка у тебя была. Нас так быстро принялись выгонять, что я забыла Белку в мастерской. Ты мне ее еще потом принесла. Я посмотрела на нее и сразу поняла: тут что-то нечисто.

— Думаешь, в нее вселился дух прадедушки Дракулы? — Если бы Лерка знала всю правду, она бы не сомневалась в своих догадках относительно Белки. После всего произошедшего крыса прежней быть не могла. Но кто ж даст Маркеловой думать в нужном направлении!

— Было бы неплохо. — Лерка снова пнула крысу, чтобы та шевелилась. Белла наконец проявила прыть — уцепилась за хозяйкину штанину и стала карабкаться на колени.

Ну вот, все-таки может, когда хочет. Помнится, раньше... Кстати, о мыслях и воспоминаниях!

Я села ровно. Кажется, у меня появился шанс кое-что узнать. Все ведь так просто! Что на самом деле произошло в пятницу тринадцатого числа в мастерской, знают только двое — я и Макс. Нет, трое. Еще Пашка Колосов. Всем остальным вампиры должны были стереть память. Ну, или сделать так, чтобы помнили они то, что нужно, а не то, что было.

Потому что на самом деле там был кошмар. Тот самый, о котором я пытаюсь забыть.

— Маркелова, а тебе вообще та вечеринка понравилась?

— Супер! Особенно фейерверк понравился. Его этот... — Лерка щелкнула пальцами, вспоминая несчастного Грегора, — ну, здоровяк такой... устроил. С карнавалом тоже было неплохо придумано. Максима идея? Он в театре костюмы взял, да? Слушай, а я ведь свою маску не отдала.

Его, наверное, на деньги выставили, когда он все возвращал, а? Не, вообще ничего было, прикольно. Только вы быстро смылись. Как-то — раз, и никого нет. Вы куда ушли-то?

Я не заметила, как сжалась, с силой притягивая к себе согнутые колени, ткнулась лбом в ноги и тихо заскулила.

Я никогда не смогу этого забыть!

Да, наверное, идея Макса была неплоха — попробовать показать, что люди могут спокойно находиться рядом с вампирами. Больше того — что вампиры спокойно могут находиться рядом *со мной*. Ведь их главный противник — я, Смотритель, тот человек, который всегда будет чувствовать их присутствие. Не учел Макс одного — Смотрители, как и вампиры, не ходят поодиночке. К нам на праздник пришли московские Смотрители, и начался ад. С помощью крысы Белки я нарушила построенный ими аркан. Потом погиб Грегор. Я не видела, как. Просто его не стало, его больше никто не чувствовал. Макс старается об этом не говорить, но молчание не означает забвения. Воспоминания уходят внутрь и начинают сжигать душу. Грегор не должен был погибнуть, он вообще не собирался оставаться, все время хотел уйти... Наверное, погиб бы кто-нибудь еще, но тут на наш праздник смерти пришел Эдгар, вампир, о силе которого Смотрители не догадывались. Он с легкостью преодолевал все расставленные ловушки, ни один ритуал на него не действовал. Ирина не успела уйти. Эдгар смел ее и исчез. Больше никого трогать не стал. Впрочем, убивать там было больше некого. Только Ирина со своей катаной представляла угрозу, остальные Смотрители могли только рассчитать аркан. Но для Эдгара любые знаки — просто детские игрушки. За Грегора он мог снести полгорода, и тогда Олег бы мне не звонил. Да и некому было бы звонить. Хорошо, что Эдгар этого не сделал. Не подойду к телефону. Не хочу больше вспоминать.

Мне повезло, что я заболела. Несколько дней спала, несколько дней плавала в жарком бреду. В тот момент я поняла, что смерть — это не страшно. Когда нет сил бороться, умирать легко. А я уже ничего не хотела делать, потому что все было бессмысленно. Пока мы с Максом вместе, мир обречен катиться в тартарары. Радовало одно — вампиры всем стерли память. Всем, кроме Пашки Колосова. Он стал моей маленькой персональной напоминалкой о том, что бывает, когда пытаешься пойти против всех. Бывает больно. И не обязательно тебе. Другим. Вот от этого мне вдвойне тяжелее.

Как же хочется уехать отсюда навсегда! Улететь на край земли, закопаться в самую глубокую шахту, погрузиться на морское дно... Лишь бы подальше отсюда...

Я почувствовала, что трудно дышать, и выпрямилась.

С такими мыслями я никогда не выздоровею. Легче мне бывает, когда рядом оказывается Макс. Он мой спаситель в прямом и переносном смысле.

— У тебя болит чего? — Маркелову наконец обеспокоили доносившиеся из моего угла звуки.

— Зуб. — Кажется, я становлюсь похожей на Макса — по-честному у меня тоже не получается, все больше и больше вру. — Рассказывай, что еще помнишь!

— Ну, говорю же, прикольно получилось — маски, костюмы... Чистая готика! Я когда увидела под маской Синицына, решила, что сплю. В жизни бы его не узнала. У Максима была хорошая маска, жалко, что все лицо закрывала. — Маркелова смутилась, словно сказала что-то не то, а потом быстро заговорила: — Здоровяк позвал всех на улицу фейерверк смотреть. Все кричал: «Какой карнавал без фейерверка?» А потом за ним девушка пришла, и они куда-то умотали. Мы еще немного с Малининой потусовались и тоже по домам отправились. Репина обратно в мастерскую побежала, маски понесла. Пашка на нас свалился — тебя искал. И все. А, нет! Ты потом мне Белку принесла. Она еще вся в земле была. Ты сказала, что на улице ее нашла. Я как домой пришла, сразу вырубилась. Вроде и время было раннее, а так спать захотелось! Проснулась и поняла — смерть прекрасна. Я как будто на том свете побывала.

Еще бы тебе не захотелось спать... С Маркеловой работал Лео, а после его гипноза не только спать без просыпу будешь, а саму себя забудешь. И только Пашка обречен все помнить. Бедный! Теперь он в каждом видит вампира и сам желает им стать. Глупый, несчастный Колосов с чего-то взял, что только обратившись в вампира, сможет добиться моего расположения. Еще и с ним надо что-то делать. Эх, уехать бы отсюда, чтобы навсегда избавиться от всех проблем! Но разве ж уедешь, когда здесь школа, родители, Колосов, Макс...

— Чего ты так на меня смотришь? — прервала поток моих мыслей Маркелова. Оказывается, пока я размышляла, Лерка закончила свой рассказ и теперь во все глаза разглядывала меня. — Чего видишь?

Она прыгнула к зеркалу и стала себя в нем рассматривать, особенно придирчиво изучала горло.

— А знаешь, какое есть верное средство, если тебя укусил вампир? — спросила она, не отрываясь от изучения своей физиономии.

— Лечь в гроб, заколотить себя и начать наслаждаться бессмертием. — Тема была мне не очень интересна.

— Лучше! — обрадовалась Лерка. До сих пор не понимаю, с чего она в готы подалась? С ее жизнерадостностью хорошо трудиться продавцом в детском магазине. — Надо съесть горсть земли с могилы, в которую вампир закопан.

— Ага, а перед этим в ту самую могилу его загнать, — усмехнулась я. Знания Маркеловой о вампирах явно устарели. — Наверное, уже лет сто как они в гробах не спят. Кстати, ты тетрадки принесла?

Будь Лерка настоящим готом, непременно бы заметила, что я проявила слишком глубокие познания о вампирах. Но она даже виду не подала. Как всегда — чужие слова слушает плохо.

— Тебе нечем дверь подпереть? — Маркелова бухнула на стол свои потрепанные фолианты.

— Сдам все экстерном и уеду на стройку века, — буркнула я и притянула к себе верхнюю тетрадку. Почерк у Лерки — не завидую сама себе, списывать замучаюсь. Все у нее в каких-то галочках, сокращениях, поля испещрены быстрыми зарисовками. Среди них промелькнул знакомый профиль Макса. А он у нее неплохо получился!

Я осторожно провела пальцами по рисунку. На память вампиры, может быть, и воздействуют, а как быть с записями? Ведь чтобы заставить кого-то что-то выбросить или стереть, надо знать о том, что это было написано.

— Маркелова, а ты дневник случайно не ведешь? — пришла мне в голову неожиданная мысль. Хотя даже если она его и ведет, никто, кроме хозяйки, его не прочитает. Шифровальщик будущего обрыдается от восторга над ее записями.

— Бывает. — Лерка вскочила с кровати и подошла к окну. — Слушай, классно у тебя здесь. Двенадцатый этаж... Вот бы прыгнуть.

— А потом перечитываешь? — Про «прыгнуть» я выслушиваю каждый раз. Поначалу пугалась, теперь привыкла. И правда, прыгнула бы уже, что ли. Может, она Бэтмен, человек — летучая мышь? Заодно бы и выяснили.

— Зачем? — Лерка отодвинула фиалку, усадила на подоконник сначала свой зад, а потом взгромоздила ногу в ботинке. — А вообще-то неплохая идея. Надо будет как-нибудь почитать.

— Возникнет желание, приходи, вместе почитаем. А пока Белку оставь.

— С чужих рук она не ест, — напомнила Маркелова.

— Буду кормить ее из блюдечка, — пообещала я. Зачем мне понадобилась Белла? Что я хочу доказать? Что я еще не сошла с ума?

— Еще она боится громких звуков, — напутствовала меня на длительное общение с любимицей Лерка. — Слушай, а с чего вдруг Колосов обозвал тебя вампиром? Или он тебе настолько надоел, что ты его покусала?

— Я розы не люблю. А для вампиров страшнее роз ничего не существует. У этих цветов слишком резкий запах.

— Да ну? — заерзала на подоконнике Маркелова.

— Еще я не люблю чеснок и хохочу, когда в меня пытаются осиновый кол вбить. Как видишь, по всем параметрам выходит, что я вампир.

Я зевнула. Да что же за напасть такая! Двух часов не прошло, как я спала, и опять хочется. Лерка с азартом начала перебирать другие признаки вампира. Я прикрыла глаза. Мне послышалось, как где-то поблизости начали быстро-быстро печатать на компьютере. Звук был такой, будто компьютер стоит в моей комнате. Я подняла голову. Около окна спиной ко мне стояла Катрин — стройная, высокая, пышные рыжие волосы. Повернула ко мне заплаканное лицо, скривилась и прошептала: «Помоги!»

Это было настолько неожиданно, настолько не похоже на Катрин, что я проснулась.

Из-под подушки торчал красный хвост. Белла, не найдя другого убежища, спряталась у ме-

ня в кровати, вокруг темнота. А где Маркелова? Ушла? Не помню, чтобы я ее провожала. Ой, как неудобно получилось...

Крыса забилась под подушкой, собираясь, видимо, прогрызться сквозь кровать к центру земли. Я выудила ее на свободу, погладила против шерсти, откинулась на спину, закрыла глаза. Ночь никогда не была моим любимым временем суток. И лучше было сейчас спать, а не ворочаться и воевать с крысой. Я повернулась на бок, прислушалась к себе и поняла, что спать не хочу. Выспалась. Еще какое-то время честно пролежала, убеждая себя, что сейчас усну. Но сон не шел. За окном была тревожная тьма, которая постоянно напоминала о себе — редко проезжающей по улице машиной, шуршащим сквозняком, каким-то скрипом, нечаянным вздохом, еле уловимым присутствием.

Я хлопнула в ладоши, заставляя лампу на столе загореться. Снова выгнала из-под подушки Беллу, пододвинула к себе стопку учебников, устроилась удобней.

Ничто так не вгоняет в сон, как алгебра с геометрией. Что же мне здесь принесли? Задачник, методичка... Замечательно! Сейчас их посмотрю, завтра Макс удивится — придет, а я все выучила. Или не удивится? Он же не способен проявлять чувства. И все равно он любит. Что бы ни говорили про вампиров, Макс умеет любить. Что бы я делала без его маленьких знаков внимания — подал руку на лестнице, помог надеть куртку, угадал желание, настроение, вовремя промолчал, удачно сказал... А главное, он все время рядом. Я чувствую, Макс со мной, где бы он ни находился. Я словно смотрю на мир вместе с ним, дышу с ним одновременно, живу одним желанием. Боязно представить, что было бы, если бы мы не встретились. Что будет, если он меня разлюбит...

Как страшно! Нет, не буду об этом думать. С чего ему так делать? Он любит меня! Такую, какая я есть. Я не меняюсь, остаюсь сама собой, а значит, и его чувство ко мне останется неизменным.

Я уткнулась в задачник. Тригонометрические формулы запрыгали у меня перед глазами.

Почему я решила, что Макс меня может бросить? Конечно же, ничего подобного не произойдет, но сама мысль об этом противным сверчком засела в голове, неумолчно трещала, шевелила запрятанные по углам тени. А что все-таки случится, если?.. Ничего не случится, все будет так же! Все, что дал мне Макс своим появлением, со мной и останется. Уверенность в себе, знание того, что в вечной борьбе с собой и против всех у меня есть защитник — моя персональная стена от всех бед, мой маленький источник бессмертия. И даже если его не будет (что, конечно, совершенно невозможно), теперь я знаю: из любой беды можно выбраться.

Нет, нет, не буду об этом думать. Он меня не бросит. Вот сейчас позанимаюсь, и завтра Макс... Нет, он не удивится. Просто примет к сведению. И сделает вывод. Жизнерадостный такой вывод, что скоро мы сможем уехать, сможем наконец побыть вместе.

Вместе...

Zusammen.

От нахлынувших чувств я сползла с подушки, попыталась закопаться в одеяле. Пискнула потревоженная Белла. Я выудила из-под подушки белый взъерошенный меховой комочек. Хорошо, что она со мной осталась, с ней не так тревожно. Хорошо, что ко мне пришла Маркелова, задания принесла...

Тетрадки!

Я отбросила учебник и потянулась к столу, на котором осталось несколько потрепанных тетрадей. Та, что по алгебре, так и лежала сверху. Я пролистала первые пару страниц. Они были пусты. Лерка никогда не пишет на первых страницах. Когда-то Маркелова утверждала, что на них просто неудобно писать. А теперь я знаю, что писать на первых страницах — дурная примета, к неприятностям. Когда начинают писать в новых тетрадках? 1 сентября. Ну и что здесь хорошего?

Но взяла я тетрадь в руки не поэтому. Интуитивно Лерка все делает правильно. И теперь бы понять, зачем она нарисовала профиль Макса.

Дата — шестнадцатое ноября. Три дня после вечеринки. Может, они встречались? Или Маркелова где-то случайно пересеклась с ним? Но Макс их встречу легко мог стереть из ее памяти — зачем оставлять такой явный след в человеке? Или Лерка просто думала о нем, о той вечеринке?

Чтобы взять все тетрадки, пришлось вылезать из постели. Как только я начала двигаться, темнота отступила, перестав быть пугающе-тревожной.

Интересно, что мне Лерка еще принесла. История, литература... Вот их можно было и не брать. Стоп, а это что?

На клеенчатой обложке тетради с загнутыми и разлохматившимися уголками был нарисован символ группы «Алиса», а внизу приписано слово «Голод?». Именно так — со знаком вопроса.

Я еще не открыла тетрадь, но уже поняла, что мои желания странным образом сбылись: только я пожелала, только-только успела поговорить с Маркеловой о ее дневнике, и вот он уже лежит у меня на коленях. Было в этом что-то от морока, от нечистой силы, которая любит заигрывать с людьми, подкупать их наивность и доверчивость.

Может, работа Макса? Подслушал, что я хотела его прочитать, и подкинул. Макс подслушал? Смешно! Он скорее войдет в комнату и спросит, нужно ли мне что-то, чем станет устраивать подобные фокусы. На него непохоже.

Я понюхала дневник. Нет, Максом от него не пахло. А если даже тетрадка и побывала в его руках, то следов мой милый не оставил.

Сейчас я все узнаю?

Мысль испугала. Во-первых, чужие дневники читать нехорошо. Вряд ли Маркелова специально мне его подсунула, тем самым давая негласное разрешение на ознакомление. Собирала тетрадки и взяла, не заметив.

Я вновь невольно посмотрела в окно. Ночь, крыса, дневник... Готишненько выходит, очень готишненько!

Искушение или проверка на мою честность? Не буду читать! Меня Леркины записи не касаются. Все, что нужно, Макс расскажет мне сам.

Белла деловито протопала от подушки под одеяло. Вот кого точно не волнуют проблемы морали. Крысе хорошо там, где тепло и кормят.

Затрезвонивший сотовый телефон заставил вздрогнуть. Белка недовольно завозилась у меня в ногах. Эх, надо было выключить мобильный сразу, как только пришла Маркелова...

На экране высветилась тревожная надпись «Неизвестный».

Кстати, это может быть и Макс. Наверняка он способен сделать так, что его номер не определится.

Мне бы пораньше сообразить, что Макс не стал бы звонить среди ночи, скорее бы пробрался ко мне через окно, разбудил и обо всем рассказал лично. Но я уже нажала на кнопку приема вызова. И только потом подумала о том, что это звонит не любимый. Это мое прошлое. Ночь — самое время для воспоминаний.

— Маша?

Одно слово, мгновение, и все мои мысли, запрятанные в тайные и не тайные, пыльные и не пыльные углы, вырвались наружу. Нет, от прошлого нельзя убежать. Оно непременно нагонит, напомнит о себе, заставит все пережить заново.

Да, я Маша, а звонит Олег. Никогда не задумывалась, сколько ему лет и какая у него фамилия. А вот он знает обо мне все.

— Здравствуй! — Голос Олега сух. Раньше он со мной так не разговаривал. Был всегда вежлив, в меру радостен и всегда подчеркнуто галантен. А впрочем, что я хочу? В Москве сейчас тоже ночь, да и после всего, что случилось, вряд ли Олег станет со мной любезничать. Странно, что он вообще звонит. Я же его предала, обманула.

— Здравствуйте, Олег, — попыталась сказать я как можно равнодушней, хотя меня колотило от внезапно накатившего озноба.

— Извини, что так поздно. Я только сейчас увидел, что ты стала доступна. У тебя все хорошо?

«Зачем он интересуется?» — засуетилась я. Что-то знает? Или опять хочет выяснить, стала я вампиром или нет? Чего тут выяснять, все давным-давно понятно. Я здесь, он там. Я с Максом, он со Смотрителями. Хотя я и сама вроде как еще Смотритель...

— Спасибо, — процедила я сквозь зубы. — У меня все хорошо. Вы меня не разбудили, мне не спится.

— Что произошло? — с особым нажимом спросил он.

— Болею.

— С того дня? — уточнил Олег.

— Почти. — Я замялась. Можно сказать, что он тоже виноват в моем нездоровье. — Олег, что вам нужно?

— Твоя болезнь, в чем она проявляется?

— Упадок сил, — растерянно ответила я.

— Температура? — зачем-то стал вдаваться в подробности Олег. Доктор Айболит спешит на помощь... Зашивайте зайчикам лапки и не лезьте ко мне!

— Сбить никак не могу, держится на тридцати семи и пяти, иногда до тридцати восьми поднимается.

— И слабость?

— Зачем вам это? — Я уже давно поняла, что Олег не так прост, как хочет показаться.

— Маша... — начал он, и возникла пауза.

Я не выдержала — болезнь, расшатанные нервы, портрет Макса в тетрадке Маркеловой, ночь... Для срыва у меня было достаточно оправданий.

— Не надо мне ничего говорить! — Голос мой шел по нарастающей. — Вы первые начали. Если бы не ваш приезд, все было бы спокойно. И никто бы не погиб. Я вас предупреждала! Просила, чтобы вы не приезжали! Я пыталась остановить Эдгара и не смогла! А теперь ничего исправить нельзя! И не лезьте больше сюда! Это мой город, вам здесь делать нечего!

Выкрикнула я и испугалась возникшей тишины.

— Маша, конечно, глупо тебя еще раз просить приехать в Москву, — осторожно проговорил Олег, — но если бы ты согласилась, мы были бы рады тебя видеть. И мы бы гарантировали безопасность Макса...

— Я болею! — Вот только Макса в это дело не впутывайте. Нечего ему делать в Москве... Знаем, уже один раз приезжали... — Не поеду я к вам! Я больше не Смотритель! Не надо втягивать меня в свои игры!

Из трубки лилось молчание. Можно было еще что-нибудь сказать, обвинить во всем случившемся Олега, землю, небо, весь мир. Но это уже было лишним. И так все понятно.

— Алло! — крикнула я в трубку. Показалось, что связь прервалась.

— Маша, скажи, а как ты общаешься с Максом? Он же вампир...

— В каком смысле? — Я начала бороться с желанием дать отбой.

— Ну... — протянул Олег. — Что вы делаете? Как он себя ведет?

— Послушайте...

— Понимаешь, Маша, — перебил меня Смотритель, — мне сейчас важно узнать, как у вас все происходит. Ведь ты человек, Смотритель, а он вампир...

И тут я не выдержала. Я начала кричать:

— Узнать хотите? Больше ничего не надо узнать? А не пошли бы вы куда подальше? И не звоните мне больше! Макса вы не получите!

— Подожди... — долетел до меня слабый голос.

— Скорее вы все там друг друга перебьете, чем получите Макса!

— Послушай! — попытался Олег пробиться сквозь мой крик.

— И не появляйтесь больше в городе, иначе я вам объявлю настоящую войну!

— Это важно!

— Вы еще не знаете, на что я способна!

— Антон тоже болеет...

— Маги, ты что?

Я успела обернуться, увидеть маму, застыв-

шую в дверном проеме, и уже повела пальцем, чтобы дать отбой, когда из динамика донеслось:

— Нам дали информацию о вампире, мы начинаем охоту. Катрин. Ты ее знаешь.

— Чего кричишь? — шагнула через порог мама. Лицо заспанное — она то ли встревожена из-за меня, то ли недовольна тем, что ее разбудили.

Палец надавил на красную кнопку. Телефон пискнул, и наступила тишина.

Глава III

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Я сидела на крыше. Солнце было разлито повсюду — по домам, по деревьям, растворялось в воздухе. От этого света мне было хорошо и тепло, я чувствовала: вот-вот что-то произойдет. А потом крыша исчезла, и я полетела. Мчалась вперед, но не ощущала ни ветра, ни холода. Смех вырвался у меня из груди, я запрокинула голову. В небе носились стрижи, и я вдруг подумала, что не знаю, как у меня получается летать. Но ведь если так, то в какой-то момент я могу не справиться и упасть. Сердце тревожно застучало, я быстро глянула вниз. Ненавидящий взгляд Катрин прожег меня насквозь. Пискнула перепуганная крыса. И я проснулась.

На кухне ругались. Громко. Раздраженно. В первую секунду я подумала, что это папа с мамой. Успела удивиться — вот уж кого тяжело вывести из себя, так это моего папу. Он вообще не знает, что такое кричать. Но радостно заколотившееся в груди сердце подсказало мне, что зря я подумала на папу, с мамой на кухне разговаривал Макс.

Я отстранила тыкающуюся усатой мордочкой мне в лицо Белку. Ну вот, попросила себе на время развлечение, которое мне спать не дает! Ее же, наверное, еще и кормить надо. И откуда она взялась в моем сне?

На часах «двенадцать». Ничего себе я поспала!

Под одеялом было жарко. Я выбралась из-под него, посмотрела на окно. Опять его закрыли! Мама убеждена, что причин у моей болезни две — постоянно открытые окна и Макс. Из форточек на меня дует, а Макс забирает последние силы. Кажется, в таком порядке. Хотя я могла и перепутать.

Что-то такое было... Какой-то разговор. Во сне? Вчера? Катрин! Олег сказал, что началась охота на Катрин!

Но про вампиршу мне пришлось забыть — первые же движения вызвали ужасную слабость. Вроде спала, а так тяжело, будто всю ночь с саблей тренировалась. Знакомая боль прошла по позвоночнику, выбирая, в какой части тела задержаться.

Я сгребла покорную Беллу и, покачиваясь, пошла к двери.

— Не надо мне говорить про любовь! — Вместе со сквозняком из распахнутой двери ко мне в комнату ворвался голос мамы. — Что вы во всем этом смыслите? Любовь у них! На ноги встаньте, школу сначала закончите. Или всю жизнь собираетесь сидеть на шее родителей?

— Виктория Борисовна, я не хотел бы... — пытался перекричать мою маму Макс.

О, вампир в ярости! И я проспала такое зрелище.

— Не надо ничего хотеть! — Мою маму переспорить невозможно. Разве я Максу не говорила? — Посмотри, в каком она состоянии. Еще немного, и ее заберут в больницу. Ты этого добиваешься?

— Виктория Борисовна! Я, наоборот, хочу помочь.

— Вот и помоги! — бушевала мама. — Оставь ее в покое!

Картина была великолепна. Мама стоит около окна, деловой костюм — кажется, она собралась сходить на работу, — аккуратно уложенные волосы, на щеках полыхает румянец раздражения. Макс сидит за столом, на нем белая рубашка, светлые брюки, в тусклом свете дня кожа его не кажется такой уж бледной, а руки он сцепил, старательно пряча свои не совсем естественные синеватые ногти. Наверняка он заметил меня сразу же, как только я проснулась, но вида не подал. Поэтому первой на мое появление голову повернула мама.

— Хороший способ мне помогать... — Со сна голос у меня звучит хрипло. — Разбудили больного человека.

— Что это? — Мама заметила в моих руках Беллу.

— Друг человечества, — отозвалась я. Макс все еще сидел, не поворачивая головы, словно совещался с невидимым собеседником. — Я из-за вашего крика проснулась.

— Отправляйся обратно в кровать! Не ходи в таком виде! — Мама старалась говорить спокойно, но внутри ее все бушевало. — Взрослые уже люди, пора думать о последствиях своих поступков.

Ее слова меня почему-то не задели. Я думала только о том, что прямо сейчас раздобыть еду для Белки будет проблематично — пока мама на кухне, никого, кроме меня, кормить она не позволит. Макс переживет без еды, а вот хвостатая живность скоро начнет есть меня.

— Максим, ты меня разочаровываешь. — Кажется, мама решила, что Белла предсвадебный подарок от Макса. — Никаких экстернов и дополнительных занятий. И вообще — сделайте перерыв, вам надо отдохнуть друг от друга. А тебе, Максим, не мешало бы сходить в свой институт. Что-то я не заметила, чтобы ты особенно старательно занимался. Или тоже все сдаешь экстерном?

Макс поднял на меня глаза. Зачем он все это терпит? Неужели ему так сложно внушить моей маме, что ничего страшного в его визитах нет?

— Академический отпуск. Я решил пропустить год. — Макс встал. Его взгляда я испугалась. Светлые глаза очень внимательно смотрели на меня. В них была тревога. Его настолько поразил мой внешний вид?

Я качнулась обратно к двери. Может, и правда надо было пижаму сменить на тренировочный костюм...

Поняв, что кормить ее не будут, Белла по рукаву забралась ко мне на плечо и закопалась под волосами за шиворот.

— Извините, дело в том, что мне надо Маше кое-что сказать. — Макс пошел на меня, и я стала невольно отступать. — Всего несколько слов...

Я уже была в своей комнате. Макс шагнул следом за мной и, закрыв дверь, показал на крысу:

— Откуда она у тебя?

— Посланник темных сил, проводник между миром теней и миром живых людей, — пожала я плечами. — Ее зовут Белла, потому что белая.

— Это она? — Макс заставил меня попятиться до подоконника и только здесь подошел ко мне вплотную. Крыса застыла, недовольно поглядывая на него своими красными глазками-бусинками.

— Мне ее Маркелова принесла, — пояснила я. Возникло ощущение, будто Макс сейчас набросится на Беллу и порвет ее на кусочки.

— Ах да, родственная душа! — Макс говорил загадками.

Я уже собралась рассказать ему, как длиннохвостое создание спало ему жизнь тогда на вечеринке, но тут в комнату ворвалась мама. Макс даже не попытался отойти от меня. Стоял почти вплотную, положив руку мне на плечо.

— Да когда же это кончится? Максим, ты что, совсем ничего не понимаешь?

— Ну, все! — вдруг выдохнул Макс, и я испугалась за маму. Но он только отпрянул в сторону, мгновение смотрел то ли на меня, то ли на притихшую от всех этих криков Белку и ринулся вон из комнаты.

— Макс... — бросилась я следом.

— Останься! — приказала мама.

Я увидела, как Макс скользнул к двери, услышала, как бесшумно закрылась за ним створка.

— Что ты наделала? — Паника прогнала остатки сонливости. Я заметалась по комнате.

— Все правильно! — сжала кулачки мама. — Сначала выздоровей.

Белка с писком полетела в кровать. Я сдернула со стула джинсы.

— Не смей за ним идти!

Я еще сама не понимала, что делаю, а мама уже обо всем догадалась. Да, я собиралась бежать за Максом, поскольку не намерена была сидеть дома после всего, что произошло.

— Ты не должна!

Я натянула свитер и шагнула к выходу. Интересно, что она теперь скажет? Чтобы я больше не возвращалась домой? Типа: «Утонешь, домой не приходи!»

— Даже не думай! — одними губами приказала мама.

Я прошла мимо нее, вытащила из-под вешалки сапоги. Надо же, я столько времени не выходила на улицу, что они успели запылиться.

— Ты совершаешь ошибку!

Я не собиралась поворачиваться. Ручка двери в моей ладони показалась как-то по-особенному холодной. У меня явно поднималась температура.

— Оставь мои ошибки мне, я сама с ними разберусь, — прошептала я и захлопнула дверь.

На лестничной площадке было стыло, темные лестничные пролеты недобро покосились на меня. Они были пусты и одиноки.

Очень хорошо! Где я теперь буду искать Макса? Вдруг он в порыве чувств сбежал на какой-нибудь Алтай?

Сердце тревожно заколотилось, я с сомнением обернулась на закрытую створку. А мама ведь наверняка стоит по ту сторону и ждет, что я вернусь. От волнения стало жарко. Сердце два раза ухнуло, захотелось сесть. Краем глаза я успела заметить быстрое движение, и тут на меня налетел ледяной вихрь. От крепкого объятия я успела выдохнуть только одно слово: «Макс» — и тут же утонула в широко распахнутых светлых глазах.

На сей раз поцелуй длился непривычно долго. Это было не мимолетное касание прохладных губ, не робкий поцелуй, когда понимаешь, что каждая секунда может стать последней. От этого поцелуя меня бросило в еще больший жар. Макс притянул меня к себе, и мне хотелось только одного — вечности. Все было давно перепутано. Я тянулась вверх, к его губам. В ответ Макс приподнял меня, сильно прижав к груди. И объятия были не из тех, что спешат прервать. Тело наполнилось одним полыхающим сердцем. Оно билось, и мне казалось, что все внутри меня отдается на его вибрацию, а вслед за мной и Макс начинает плавиться от моего жара.

Он чуть ослабил объятия, но не для того, чтобы остановиться, скорее — чтобы я могла вдохнуть. Как только перестала кружиться голова, я снова подняла лицо, требуя нового поцелуя. Одно сплошное сумасшествие! И я хотела его продлить до бесконечности.

Где-то там, между этими бесконечными поцелуями, он отнес меня на первый этаж. Я слышала, как стукнула дверь мастерской, но ничего не видела. Передо мной было только бесконечное голубое небо его глаз.

Макс зажмурился, прикоснулся лбом к моей щеке.

— Мне надоело... — начал он.

— Тебе надоело? — удивилась я такому явному проявлению эмоций.

— Я устал... — попытался исправиться Макс, но снова не угадал.

Я качнула головой:

— Ты — что? — Как странно. Глагол «устал» совсем не идет Максу.

— Не те слова! В вашем языке столько слов, но они не подходят! Ich möchte...[1] Опять неправильно!

Он мучился, не в силах до конца высказать то, что хотелось.

— Просто будь со мной, — наконец, прошептал он. — Без всех этих условностей.

— Разве мы не вместе?

— Что бы ты сейчас ни сказала, я тебя не отпущу. — Макс отводил глаза, то ли недовольный тем, что говорит, то ли боясь, что я буду спорить. Боясь?

---

[1] Я желал бы *(нем.)*.

— Я не уйду! — пообещала я, опуская лицо ему на грудь.

Бух, бух — билось его тяжелое сердце. Всегда в одном и том же ритме, всегда одинаково ровно.

И снова была ураганная тьма. Его поцелуй сжигал. Я уже не понимала, где я и что делаю. Да, я хочу быть с ним. Только с ним. Вот так, как сейчас, единым целым.

А потом все закончилось. Я сидела на знакомой шкуре медведя в мастерской. На столе горели свечи. Они стояли вдоль его края неровным заборчиком. Я все еще чувствовала на себе сильные руки. Память о них продолжала жечь меня. Или это что-то другое?

Голова клонилась к шкуре.

Здравствуй, температура! Давно тебя не было.

Хотелось закрыть глаза, чтобы раствориться в своем желании, в своем блаженстве, чтобы не пустить внезапно вернувшуюся болезнь.

— Ты очень красивая, — прозвучал в моих ушах любимый голос. — Я таких не встречал.

«Угу», — кивнула я, чувствуя, как по телу расползается странная расслабленность. И это сейчас, когда хочется двигаться, обнимать и, может быть, даже...

— Ты нежная.

Я с трудом открыла глаза. В них словно сидело по маленькому горящему уголечку, от чего становилось тяжело смотреть, наворачивались слезы.

— Ты необходима мне.

— Да, да, — закивала я, поднимая пудовую руку. Почему он ушел? Почему перестал целовать меня?

— Я не дам тебе умереть!

Я распахнула глаза. Что-то в его словах было неправильно.

— Вроде пока рановато, — ответила я, чувствуя, с какой неохотой шевелятся в моей голове мозги. Приступ проходил, уплывал вдаль, унося моих призраков на ссутуленных плечах. — Все хорошо.

— Хорошо?

Его голос заставил меня окончательно проснуться. Макс сидел рядом со мной на шкуре и смотрел в пол. Не любила я такой его взгляд. Отсутствующий. Вроде бы Макс здесь, а на самом деле очень далеко отсюда. Или переговаривается с кем-то. Или вспоминает что-то.

— Ты знаешь про Катрин? — Я склонилась, чтобы заглянуть ему в лицо. Взяла его руку, потерлась щекой о мягкую ладонь. Рука мягко выскользнула, холодный палец прикоснулся к губам.

— Тише...

— Почему? — вывернулась я из-под его руки. Встретилась с внимательным взглядом, потупилась. Почувствовала — есть какая-то недоговоренность, что-то, чего я не заметила.

— Ты сама не понимаешь...

О! Как раз это я отлично понимала. Но он не дал мне и слова произнести. Взял обе мои ладони в свои, и я заметила, как мелко подрагивают его пальцы.

— Что с тобой? — прошептала я, не в силах

оторвать взгляда от тонких белых рук. Вампир взволнован?

— Видишь, как ты сильно изменила меня?

— Ты начал чувствовать?

— Нет, я теперь каждую минуту жду подвоха.

— Так в чем дело? Где-то поблизости Катрин?

— Забудь о ней! Многие вампиры живут своими потребностями — еда, удовлетворение желаний. Редко в ком остались отголоски прежней жизни.

Я открыла рот, но промолчала.

— Я не собираюсь оправдываться. — Макс склонился надо мной. — Все, что было в моей жизни, — было, отказываться от этого я не буду...

«Спокойно, спокойно!» — хотела я приказать своему сердцу. Оно вдруг затрепыхало, напоминая о себе. Или как Макс говорит: «Тише... тише...» Какая-то я сегодня нервная, готова вспыхнуть от каждого слова. Что Макс имеет в виду? Он много кого убивал? У него было много женщин?

— Неправильно ты подумала, — улыбнулся мне в глаза Макс.

Я? Подумала? Когда успела? И, схватившись за покрасневшую щеку, догадалась — подумала. Подумала о многом. Кто бы сомневался, что Макс, при всем его опыте и красоте, знает и эту сторону жизни. Одна я... все еще... Но почему-то у меня не получалось представить его в роли любовника с другой. Наши отношения до сего момента настолько не предполагали чего-то большего, чем попытка выжить, что наступившее спокойствие скорее удивляло, чем радовало. А разговор — тем более.

— Мой донжуанский список не простирается на двадцать томов. — Макса заметно радовала моя растерянность.

— Пяти томов будет достаточно, — пробормотала я.

Шкура, пол — мне захотелось немедленно закопаться куда-нибудь, спрятать голову, раствориться в воздухе. Я сама мечтала не только о поцелуях, но говорить об этом мне казалось невыносимым.

— Ты знаешь, что сделать, чтобы я навсегда осталась твоей, — сквозь стиснутые зубы пробормотала я. Если я сейчас себя не пересилю, то не смогу с ним говорить об этом никогда. А поговорить надо. Время пришло. Он должен стать моим первым мужчиной. Сейчас, пока у нас появилась редкая пауза, короткая передышка. Ведь никто не знает, что будет завтра. Что будет через час.

От волнения я не могла уследить за уровнем голоса — от громкого вскрика переходила на приглушенный шепот, пугалась того, что говорю так тихо, и снова начинала кричать. Ну, зачем, зачем какие бы то ни было разговоры? Кто вообще придумал, что надо об этом говорить? Ведь и так все понятно. Макс взрослый, опытный, все может решить за меня. Так к чему же попусту сотрясать воздух? Лишнее, совершенно лишнее. Только вгоняет в ненужную краску, заставляет сомневаться, тянуть время...

— Сделать можно что угодно.

В груди вспыхнул испуг. Сделать — что? Расстаться?

— Не торопись с выводами, — проговорил,

как простонал Макс. Понятно, об этом он размышлял, и не раз. Цветовая радужка его глаза дернулась, чтобы провалиться в черноту, и снова посветлела. Я ожидала, что после моего заявления он снова выставит между нами привычную дистанцию в два метра — «мы с тобой два берега у одной реки». Но Макс, наоборот, придвинулся ко мне.

— Я хочу быть твоей. — Мне стоило больших усилий удержать его взгляд, он все время пытался ускользнуть от меня. — И если мои поцелуи еще не превратили тебя в монстра, то, я думаю, ты можешь...

— Маша, ты бредишь. Твои поцелуи каждый раз напоминают мне о том, что я не человек.

Какие-то бесконечные отговорки! Я закрыла глаза, прислушиваясь к своему состоянию. Еще несколько минут назад мне было очень тяжело, я чувствовала, как из меня толстым канатом вытягивают последние силы. Но потом все закончилось, словно в меня ввели какое-то сильнодействующее вещество, и болезнь стала отступать.

Я отлично понимала, где нахожусь — в мастерской. Хорошо знакомой мастерской в первом этаже моего же дома.

— Это мастерская, — подняла я вверх один палец.

— Мастерская. — Макс напрягся.

Ура! Я почти напугала вампира!

— Сейчас утро. — Я подняла второй палец и для убедительности кивнула в сторону плотных штор.

— Позднее утро, — уточнил Макс. Ах, его вечная немецкая педантичность!

— Я люблю тебя. — Третий палец поднят.

— И я люблю тебя... — согласился Макс. Но я не дала ему договорить:

— Es klingelt![1]

— Что? — отпрянул от меня Макс. Не уверена, что мой немецкий безупречен, но все же эту фразу я наверняка произношу правильно.

— Вот видишь, никакого бреда нет, — победно развела я руками и придвинулась, чтобы вновь его обнять.

— Но... Маша!

— Ты говорил, что в жизни вампира важны детали. Но помолвка и свадьба сейчас не обязательны, чтобы люди были вместе. Причем вместе навсегда. Или... — Я смутилась. — Или невозможно?

Макс усмехнулся, лишая меня привилегии первой поставить его в тупик своими утверждениями. Осторожно взял меня за руку, развернул кисть ладонью вверх.

— Это мастерская, — загнул он мой указательный палец, и я невольно фыркнула. — Она полностью в твоем распоряжении. Раз уж наши отношения зашли *так* далеко. — Слово «так» он выделил особенно. Вскинул на меня глаза. — Verstehst du mich?[2] — Я его понимала. И очень хорошо. — День за окном или ночь, я всегда буду с тобой. — Второй палец опустился к ладош-

---

[1] Звенит звонок *(нем.)*.

[2] Ты меня понимаешь? *(нем.)*

ке. Затем Макс взял мой безымянный палец за кончик, покачал, словно раздумывая, опускать его к остальным или нужно еще какое-то доказательство, но тут же произнес: — И я люблю тебя. И я хочу тебя! — вдруг добавил он.

Пальцы машинально сжались в кулак.

— Еще скажи, что ты специально устроил скандал, чтобы выманить меня из квартиры... — прошептала я. А румянец уже полз по моим щекам. Очень хорошо! Замечательно! Мне признались в любви, признались в самом сокровенном желании, а я сижу и от стыда и смущения не могу поднять глаза. На языке вертелось только ехидное замечание, что для вампира он проявляет слишком много эмоций, но сейчас оно было бы неуместно.

Макс встряхнул мою ладонь, заставляя кулак разжаться.

— То, что было раньше, не считается! — словно завершил он разговор.

Как? И все? Я что-то пропустила?

— Ты чего-то боишься?

Мой вопрос попал в точку. Макс отвел глаза.

— Нет, не боюсь, я готов контролировать себя. Но пока не знаю, насколько тебе это надо.

— Перестань думать за меня! — Мне следовало бы обидеться, но я была слишком уставшей, чтобы затевать ссору. Да и как можно ссориться со спокойным человеком? Никакого интереса! Ни тарелки в стену покидать, ни подушку кому-нибудь на голову опустить.

— Извини, не прав. — Макс снова взял мою руку. — Я настолько сжился с тобой, что начи-

наю тебя воспринимать как часть себя. Мне всегда кажется, что я поступаю верно, ведь так легко все просчитать, сделать как надо. Но с тобой мое «верно» почему-то не всегда срабатывает.

— Зато вместе у нас хорошо все получается. — Я устроилась головой на его коленях. — Хочу быть только с тобой.

— Для полного счастья надо, чтобы ты выздоровела.

Макс провел рукой по моим волосам, задержал ладонь на лбу. Как же это было приятно... Так бы лежать и лежать и ни о чем не думать. Макс помолчал, играя прядью моих волос.

— Знаешь, откуда этот зверь? — кивнул он на шкуру медведя.

Вопрос был неожиданный. Я даже привстала, чтобы бросить взгляд на вздыбленный коричневый затылок медведя. Мы разве встречались? В зоопарке? Вроде бы знакомых медведей у меня не было.

— С Алтая, — предположила я, зная, что Макс любит эти горы.

Но он отрицательно покачал головой. Интересно было смотреть на него снизу вверх. Острый подбородок, мягкая линия шеи, тонкая граница носа.

— Из Германии. Точно такая же шкура лежала в прихожей моего дома в Берлине, когда я был человеком. В детстве я боялся оскаленных зубов зверя и специально бегал по ночам вниз — тренировал волю.

Я приподнялась, чтобы еще раз с уважением

посмотреть на шкуру. Выходит, все предметы в мастерской находятся там не просто так.

— Воля сломалась первой? — Мне хотелось, чтобы он улыбнулся. Чтобы перестал пугать меня загадками.

— Я вырос, — совершенно серьезно произнес Макс. — И теперь медвежья шкура напоминает мне, что со всем можно справиться. Начиная с собственных страхов и заканчивая любой проблемой.

— Zusammen?[1] — усмехнулась я.

— Für immer, — привычно отозвался Макс.

Я потянулась, чтобы поцеловать его, но он в последнее мгновение задержал меня.

— Разреши мне убедить твоих родителей, что с тобой все хорошо. Тебе надо уехать.

— В Москву? — Я села, подобрав ноги. Тело заныло, требуя немедленного покоя — чтобы я сейчас же легла и укуталась в одеяло, но пока рано.

— В Москву? — Макс поднял на меня глаза. Они были небесно-прозрачны. — Почему в Москву? Олег?

Я закрыла глаза. Зачем кивать, Макс и так обо всем догадался.

— Мне, как обычно, грозит опасность, — довольно хмыкнула я. Как все далеко и неважно, когда я здесь. Когда я не одна. — И опасность называется так — Смотрители.

— Я порву его на части! — зло рыкнул Макс.

---

[1] Вместе? *(нем.)*

— Олег сказал, что начинается охота на Катрин. Что это значит?

— Ничего не значит. Считай, что ее больше не существует. — Макс соединил ладони, переплел пальцы, как будто отгородился от меня заборчиком.

— Они ее найдут?

Макс на секунду замер, прислушиваясь к окружающей тишине.

— Катрин сама виновата. Хотела быть звездой — и стала ею. После вечеринки Эдгар ее приговорил. Не сегодня-завтра она будет у Смотрителей.

— Как жестоко!

Макс вскинул на меня глаза, мгновение смотрел, а потом стремительно приблизился, прошептал:

— Ты удивительная... Только ты можешь защищать вампиров. — Притянул меня к себе, усаживая на колени. — Не переживай, Катрин разберется сама. Две сотни лет ее кое-чему научили.

Катрин... Высокая, грациозная, с аккуратным красивым личиком. Да, она способна за себя постоять. Только когда против одного целая команда — это как-то неправильно.

— Но Смотрители и так собирались приехать, не Катрин их позвала.

Черт, опять та вечеринка! Когда же мы перестанем о ней говорить? Память снова услужливо подсовывала картинки — всполохи фейерверка, небольшая кучка людей, Эдгар, Макс, негромко зовущий: «Грегор! Грегор! Грегор...»

— Однако знала, что они приехали, и ничего не сделала. — Макс жестко поджал губы. — Не забывай, именно она навела Смотрителей на мастерскую и сделала так, что аркан был построен на меня. И на тебя. Еще не известно, кто подставил Грегора. Может, как раз ее рук дело.

Я потупилась. Да, Катрин заслуживает наказания. Но не такого же!

— Из тебя никогда не получится вампир. — Холодные пальцы коснулись моего подбородка, и я скользнула лицом в прохладу ладони. — Ты всех жалеешь.

— А ты не жалеешь?

— Вся наша жизнь — борьба за выживание. У вампиров стирается грань между добром и злом. Мы часть природы, природы разрушения.

Я помотала головой. Что-то было не так в его словах. Я не могла полюбить зверя. Я люблю Макса — искреннего, честного, страдающего. А значит, в его словах кроется обман.

— Только животное не может бороться со своей природой. А ты человек. Значит, понятия добра и зла тебе знакомы. С Катрин нельзя так поступать. Она сама себя наказала своим поступком. И теперь просит помощи.

Я услышала недовольный рык над головой.

— Тебя надо закопать в чистом поле, оставив на поверхности одну голову, чтобы все страдающие приходили за помощью.

— Поздно, там уже торчит башка богатыря, — хмыкнула я, склоняясь к его груди.

— Про кого Олег еще спрашивал?

— Про тебя. Интересовался здоровьем.

— Все? — Голос Макса стал напряженным. — Больше ничем не интересовался?

— Эпидемия в стране. Все болеют. — Чего он так напрягся? Ничего особенного я не говорю.

— Кто еще болеет? — В одну секунду мягкая ладонь превратилась в твердую, как гранит.

— Тебе перечислить всех поименно?

— Болеет Смотритель? И у него такие же симптомы, что у тебя?

— Откуда я знаю! Мне неинтересно было с Олегом разговаривать.

Макс заговорил после небольшой паузы:

— Первое, чему учит жизнь вампира, — быть внимательным к мелочам. Например, крыса...

— Это Белла, — закатила я глаза. — Она была на празднике. Ее Маркелова принесла, по моей просьбе. Ученые установили, что крысы умнее человека. А еще Белка помогала мне ночью заниматься. Мне не спалось, я читала учебники.

— Тебе она снилась?

— Наверное. — Я снова попыталась устроиться на его коленях, но они оказались такими жесткими, что мне пришлось сползти на шкуру. Спину неожиданно начало ломить.

— А не тот ли Смотритель заболел, против которого ты использовала это милое создание с хвостом?

Я опустила подбородок на сложенные колени — спина стала болеть меньше, но все равно хотелось лечь.

— Что ты хочешь узнать? — прошептала я. — Мы, кажется, договаривались — кто старое помянет, тому глаз вон.

— «Man sollte nicht in alten Wunden rühren»[1], — быстрой скороговоркой произнес Макс. — А кто старое забудет, тому оба.

— Для немца ты стал неплохо разбираться в наших поговорках, — непроизвольно вздохнула я.

— С кем поведешься... — упрямо пробормотал Макс — Вот что. Мы сейчас выйдем на улицу, и ты мне покажешь на месте все, что тогда произошло.

Я вновь опустила голову на колени. На улице сейчас холодно, лежит снег, и я не прочь окунуться в зимнюю прохладу, но спать... как же хочется спать...

— Вставай! — Макс потянул меня за руку.

На секунду мне показалось, что я раздвоилась — будто тело мое пошло, а засыпающее сознание осталось, свернувшись калачиком на шкуре.

— Очень спать хочу, — пожаловалась я, когда поняла, что из его крепкой руки не выскользнуть. Сверху на меня накинули большую куртку, на воротнике пушистая оторочка. Я помню ее. Карман у нее должен быть испачкан. Но это было давно.

— Всего десять минут, и ты пойдешь спать.

«Пойдешь...» Слово колючими иголочками прошило мозг. Идти — значит опять двигаться. А двигаться не хотелось. Ничего не хотелось.

---

[1] Немецкий вариант поговорки «Кто старое помянет, тому глаз вон». Дословный перевод — «Нельзя ворошить старые раны».

Но меня вывели из мастерской. Запищала, распахиваясь, дверь подъезда.

Свежий воздух улицы взбодрил, кожу лица защипало от легкого морозца. Глаза резанул свет. Солнце? Я оглянулась на Макса. Сон как рукой сняло. Макс стоял под козырьком подъезда, медленно натягивая на руки перчатки.

Солнца не было. Мне показалось.

— А если бы был ясный день? — прошептала я.

— Тогда бы ты пошла одна, а потом все мне рассказала, — сухо произнес любимый.

— Что рассказала? — не поняла я.

— Все. — Макс твердо взял меня под локоть, словно я собиралась упасть или сбежать. — Обо всем, что почувствовала.

Глава IV

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ

Мы обошли дом вокруг и остановились над окном в мастерскую. Его починили. Стекольщики должны Максу делать скидку — раз в месяц они непременно приходят сюда, чтобы менять окна, которые с такой же периодичностью бьют и ломают. Интересно, в Германии он тоже поддерживал стекольную промышленность?

Я подхватила сползающую куртку. Хорошо было бы вот так стоять и не шевелиться. Морозный воздух пробирается за воротник, лезет в широкие рукава, вплетается в волосы. Я медлен-

но замерзала, и одновременно ко мне возвращалась сонливость.

— Маша!

Макс коснулся моей руки, вызвав взрыв неприятных ощущений. Зачем меня трогают? Чего он от меня хочет? Мне сейчас так хорошо...

— Вспоминай, Маша. Ты вылезла в окно. Что было дальше?

Я нехотя разлепила веки. Какой белый снег вокруг. Замерзшая корочка коробится, легкий ветерок несет по насту невесомую порошу. Если наступить, не провалишься. Но шевелиться было лень. Страшно лень.

— Я пошла за угол.

И там увидела Антона. Он сидел под кустом. Если бы не компьютер, я бы его не заметила.

Макс скользнул к углу дома, поманил:

— Иди сюда.

Я встала рядом, прислонилась к стене и чуть не повалилась в снег — от стены шел слабый разряд электрического тока. В глазах у меня потемнело. Показалось, что сейчас ночь и я слышу хриплое дыхание Пашки. А за углом тишина. Страшная тишина. Под ногами пискнула Белка...

— Вспомнила? — Макс смотрел на меня, словно считывал все, что я представила, с моего лица.

— Что со мной такое? — схватилась я за его рукав, чтобы не упасть.

— Память места. Яркие события сохраняются там, где происходили.

— Не замечала раньше. — Я отошла подальше от угла. — Ты чувствуешь то же самое?

— Чтобы чувствовать, надо обладать этой способностью. Я лишь знаю, что так должно быть.

— И теперь все, кто подойдет к углу дома... — От того, что меня постоянно то клонило в сон, то выдергивало из него, начинала болеть голова.

— Все, кто может это почувствовать. — Макс оглянулся. — Например, кошки.

— И мышки... — пробормотала я.

Если следовать его теории, то в том месте, где сидел Антон... Я медленно подошла к кусту.

— Осторожней! — напомнил Макс. — Тебе может не понравиться...

Я протянула руку вперед и ощутила, как энергия иголочками касается моих пальцев.

— И что это значит? — Идти дальше не хотелось. У меня и так все хорошо с памятью. Тот вечер я не забуду никогда.

Макс остановился около куста. Задумчиво посмотрел на его голые ветки.

— Пойдем, я уложу тебя спать. Мне надо кое-что проверить.

— Подожди!

Я обошла куст, двинулась мимо подъезда. Про Антона я все хорошо помнила, а вот что было дальше, не знаю. На детской площадке я покрутилась, прикидывая, где кто находился в злополучный вечер пятницы тринадцатого. Там в стороне, около гаражей, взрывали петарды, а здесь... Я прошагала по дорожке и остановилась около клена. Дерево с недоверием покосилось на меня.

— Я быстро, — зачем-то прошептала я, осторожно касаясь шершавого ствола ладонью.

...Сначала я услышала тяжелое дыхание и вдруг прямо перед собой увидела Грегора. Лицо его было искажено гримасой, верхняя губа приподнялась, обнажив белоснежные клыки. А еще мне было ясно, что возле клена проходит граница аркана. Хотелось крикнуть, чтобы Грегор не шевелился. Но тут раздался громкий голос Бориса:

— Внимание! — И Грегор шагнул вперед.

— Уходим! — От дома уже бежал Олег. — Сейчас сюда...

— Поздно! — Ирина с катаной в руке нависла над лежащим Грегором, но ничего делать не стала. — Перестраиваемся. Мы его остановим.

Она сорвала что-то с клена и стала разбрасывать вокруг себя, губы ее быстро двигались.

— Встали!

Воздух дрогнул, схлопнулась темнота. Из нее вынырнул Эдгар. Ирина провела катаной перед собой, выпрямилась. Глаза старого вампира полыхнули ненавистью, он презрительно скривился и пошел вперед. Мне показалось, я слышу, как хрустит ломаемый аркан. Ирина успела только ахнуть — и безвольной куклой скатилась на землю из сильных рук.

— Убирайтесь! — прошипел воздух.

Напоследок Эдгар пнул тело Ирины и шагнул в ночь.

«Грегор! — хотелось крикнуть мне. — Забери с собой Грегора, он еще жив!» Но вампира не было. И только откуда-то слышался знакомый голос: «Грегор... Грегор... Грегор... »

Что было дальше, я помнила плохо. Почувствовала только, как меня взяли в охапку и куда-то повели. Потом стало хорошо от того, что никуда больше не надо было идти. Я вытянула ноги, и сознание благодарно отключилось...

Первое, что меня смутило во время пробуждения, — абсолютный, даже какой-то непроглядный мрак.

«Темновато, — уточнило мое сознание, которое сейчас существовало как бы отдельно от меня. — Я не помню, чтобы ты зашторивала окно».

Да, окна я всегда держала раскрытыми и даже в сильный мороз распахивала форточку. И только из-за болезни... Но мои шторы не такие плотные, чтобы сквозь них ничего не было видно.

«Мы не дома», — услужливо подсунула очередную версию рациональная часть меня.

На секунду я забыла, как дышать, потому что и тело сообщило мне, что лежу я не на своей постели. Запах своего постельного белья я узнаю из тысячи. У меня никогда не было такой мягкой наволочки и пододеяльника, мои хлопчатобумажные гораздо грубее.

«С организмом все в порядке, все системы работают нормально», — сообщило сознание, совершив спешную инспекцию.

После глубокого сна еще оставалась вялая истома, но в целом ничего не болело.

Тогда я решила чуть приоткрыть глаза.

Тьма действительно была кромешной. Я зажмурилась, перебирая в памяти события по-

следних часов. Болезнь, ссора, Макс, разговор... Неужели это случилось?

Снова заставила работать все свои рецепторы.

«Все в порядке!» — с занудством отличника повторило сознание.

А чего я испугалась? Сама же хотела...

Я попыталась встать с кровати. Пощупала от себя с правой стороны, поискала с левой — кровать оказалась бескрайней. Наконец удалось опустить ноги на пол.

«Одежды нет», — подсказало сознание, пока я удивлялась, почему сквозь носки я так хорошо чувствую, что лежит на полу.

В панике я загребла одеяло и потянула его на плечи.

— Когда ты раздевалась, я закрыл глаза, — раздался спокойный голос, и мое сознание зайцем скакнуло в сторону.

— Сейчас ты тоже сидишь с закрытыми глазами? — поинтересовалась я, наматывая одеяло вокруг себя.

— Да, я тоже немного вздремнул. — В темноте послышалось, как где-то поблизости подвинули стул. — Иногда полезно посидеть без движения.

— Ты же этого не любишь. — Ничего не видеть было неудобно.

— Никто не может двигаться без остановки. Человечество давно отказалось от идеи создать вечный двигатель. Детали быстро изнашиваются. Доброе утро, дорогая!

«Утро? Врет, был день!» — Сознание быстро вернулось обратно, оно у меня неплохо ориентируется. Действительно, когда я засыпала, был день.

— Утро вечера или утро чего-то другого? — неловко пошутила я.

— Сегодня утро завтрашнего дня, — уточнил Макс и чиркнул спичкой. Слабый огонек осветил его лицо. — Ты спала семнадцать часов.

«Ничего себе!» — присвистнуло сознание, предлагая мне от удивления откинуться на спину, но я только сильнее сжала одеяло у себя на груди.

— И не одна ты. — На третьей свечке спичка погасла. — Извини, электричества нет. Отрубили за неуплату.

Его профиль был мягко освещен. Светлая линия носа, подбородка, черные провалы глаз — Макс стоял против света.

— Из тебя разведчик хороший получится — говоришь непонятно. — Я наконец смогла оглядеться. Даже с закрытыми глазами Макс вряд ли бы стал разбрасывать мои вещи, где-то они должны лежать аккуратной стопкой.

— Я был в Москве, у твоих друзей. Хотел кое-что проверить. — Любимый не стал меня мучить долгими паузами. — Антону ввели сильнодействующий антибиотик со снотворным, после которого он проспал до утра.

— Ты был в Москве? — Про одежду я тут же забыла. — С ума сошел! Они тебя видели?

— Не видели. — Макс лениво наблюдал за моими метаниями. — Но чувствовали.

— Хочешь, чтобы они тебя убили? Зачем ты туда ходил? — Я вскочила, снова упала на кро-

вать, притянув к себе одеяло. — Ты меня бросаешь?

— Никто тебя не бросает. — Макс перестал улыбаться.

— Одежду передай, — потребовала я. Злость булькала и клокотала внутри. Я стараюсь, ограждаю его от Смотрителей, а он сам бежит к ним в логово...

— Зачем? — Макс не шевельнулся. — Антон еще какое-то время будет спать, ты можешь отдохнуть.

— Ну и пускай спит. Я тут при чем?

— На Антоне замыкался тот аркан, что ты расстроила. Ритуал был нарушен и теперь требует завершения. Это как двумя руками развести шнур, а ток пропустить через себя. Один конец шнура Антон, другой — ты. Его зацепило серьезно. Удивительно, как он еще держится. И еще. Они знают, что ты завязана на Антоне. Знали, кстати, с самого начала. Поэтому Олег и интересовался твоим здоровьем.

— Он и твоим здоровьем интересовался, — буркнула я.

— Надо разорвать вашу связь, иначе Антон утянет тебя за собой.

— В Москву я не поеду! — заявила я. Теперь главное — не поддаться магии его взгляда. Конечно, его гипноз на меня не действует, но уговорить меня можно.

— Только Смотрители смогут снять с тебя эту зависимость.

— Нет! — Я спрятала нос в одеяло.

— Маша, пойми, они специально удерживают Антона в таком состоянии. Чтобы вылечиться, тебе придется к ним прийти.

— Я не хочу к ним.

— С ними можно договориться!

— Макс, ты с ума сошел? С кем ты собрался договариваться? Смотрители злятся, что в прошлый раз у них все сорвалось. Хочешь, чтобы я второй раз тебя к ним привела?

— У нас нет выбора — они убьют тебя. Даже если им придется пожертвовать Антоном.

— Не делай из них монстров! Они обыкновенные люди.

— Маша, тебе пора привыкнуть, что вокруг тебя с обыкновенными людьми какое-то время будет напряженка.

— Не драматизируй, пожалуйста! Я могу позвонить Олегу и все ему объяснить.

— Да, действительно, Олег единственный ни о чем не подозревающий человек... — Макс взмахнул рукой, как бы отсекая от себя мои слова. И снова склонился ко мне. — Думаешь, он не знает, что происходит? Считаешь, Олег не принимает в этом участия?

— Он ничего не знает. — Мои губы сжались в упрямую линию. — Иначе бы не пытался меня предупредить об опасности. Иначе бы не позвонил!

— Предупредить об опасности и участвовать в задуманном Смотрителями деле — не взаимоисключающие вещи. Он позвонил, чтобы убедиться, что ты больна, и предложил тебе приехать в Москву.

Холодное щупальце коснулось моего сердца. Значит ли это, что Антон проснулся?

— Они должны тебя отпустить. Каждый вправе сам выбирать свою судьбу.

— Кто бы говорил... — выдохнула я.

— Маша, неужели ты хочешь стать такой, как они?

— Поэтому я и не хочу туда ехать! И вообще — давай забудем обо всем, а?

— Маша, ты не понимаешь. Это игра. Как шахматы. Смотрители просто передвигают шахматные фигурки. Но сейчас они должны тебя отпустить. Поехали в Москву! Не пытайся все сделать сама. Ты не игрок.

— Не надо думать за меня. — Я сдавила голову руками. Я хорошо представляла, как сделает он — сначала мы всех перебьем, а потом будем тосковать о потерях. — Дай мне одежду.

— Не уходи.

— Я выспалась и хочу одеться. — Я бы рассердилась, но сердиться в голом виде с одеялом на плечах не очень удобно. — А еще я хочу домой.

Макс быстро глянул на меня и отвернулся к свечам.

— Зачем? — услышала я его приглушенный голос.

Затем! Хочется! Есть у меня такая привычка — просыпаться дома в своей постели. И раз уж мне не удалось сегодня там поспать, мне бы хоть позавтракать...

— Я есть хочу!

— Шоколад подойдет? — Макс не двинулся с места. — Я могу принести чай.

— Мне надо переодеться!

— Тебе лучше еще немного подождать. — Макс осторожно водил рукой над пламенем свечи. Голубой стебелек не колыхался. — Твои родители считают, что ты спишь в своей комнате, и, чтобы не потревожить твой сон, даже не заглядывают к тебе. Если ты сейчас поднимешься к себе, придется все менять.

— По-честному, значит? — Я подобрала под себя одеяло.

— Честнее не бывает. — Не глядя, Макс поднял вверх руку — пальцы у него были сложены крестиком.

— Обманывать нехорошо.

— Быть обманутой нехорошо. — Макс поднялся. — Одевайся, а я пока принесу чай.

Мгновение, и в комнате уже никого не было. Пламя свечей даже не шелохнулось. Я потянулась к своей одежде и стала быстро одеваться. И, как всегда в спешке, путалась, роняла вещи на пол, надевала наизнанку. Черт, чего я так нервничаю? А все дурацкие Смотрители! Зачем они опять свалились на мою голову?

Минут через пять Макс появился в дверях. Чайник в его руке сипел запоздалыми пузырьками кипения.

— Какие новости?

— Твои родители просыпаются. — Макс выставил передо мной чашку, сыпанул в нее чай из коробочки, залил кипятком. Принюхался. — Гадость, пахнет опилками. В следующий раз угощу тебя настоящим чаем.

Я придвинула к себе чашку. Вообще-то это

был лучший чай из всего, что есть в магазине. Уж на что, а на хорошие продукты мама никогда не скупилась. И запах от чашки шел совершенно не опилочный. Как будто я не знаю, как пахнут опилки! Еще неизвестно, чем будет пахнуть его чай. Валежником? Прошлогодними листьями?

— Что будем делать? — Я обхватила руками кружку с нарисованными по бокам рыбками. Она такой же путешественник, как и я, — однажды уже побывала здесь. В прошлый раз ее тоже принес Макс.

— Скоро проснется Антон, и ты снова почувствуешь себя плохо. И так будет до тех пор, пока ты с ними не встретишься.

— Я? — Рыбки скрылись под ладонью — я держалась за чашку, как за спасательный круг.

— Каждый поступок имеет свои последствия. — На стол легла плитка шоколадки в шуршащей фольге. — Иногда специально что-то делают, чтобы добиться определенных результатов...

— Бросаются под поезд, чтобы умереть? — Настроение у меня сегодня с утреца — Маркелова обзавидуется. Мрачнее не придумаешь.

— Закаляются, чтобы не заболеть, — поправили меня. — Мы с тобой познакомились, и твой друг Павел Колосов разглядел, что рядом с ним находится не просто девушка, умеющая владеть саблей, а умная, красивая и очаровательная. От обиды, что не заметил этого раньше, что не он первооткрыватель тайны, Колосов до сих пор ходит вокруг твоего дома. Про Дракона и Валерию можно и не говорить.

— Это ты к чему? — Мне некстати вспомнился портрет на полях Леркиной тетради.

Держать чашку было горячо, ставить боязно — поставлю, и все, растворюсь в окружающей темноте. Эта чашка стала моей связующей нитью с действительностью. Отпущу, и реальность вокруг посыплется как карточный домик. Свет свечи отражался от фольги, в которой лежала шоколадка, слепил глаза.

Макс молчал долго, что было странно. Обычно он мгновенно принимал решение.

— Тебе могут помочь только Смотрители. Они связь установили, они ее и снимут. — Он уговаривал меня как маленького ребенка, по многу раз повторяя одно и то же.

Я потупилась. Холодные пальцы коснулись моего подбородка, и я скользнула лицом в прохладу ладони. Температура опять медленно поползла вверх, и в его объятиях мне было уютно — руки Макса удерживали меня на границе болезни и здоровья.

— Не жалей! — Я отстранилась, помотала головой. Липкий жар окутывал тело, плавил голову, жар растекся по рукам и ногам, делая их неподъемными.

Я все больше и больше оседала, готовая уже свалиться со стула. Чашка выскользнула из пальцев, брызнула горячим чаем, недовольно крякнула, разбиваясь. И мне тут же стало легче.

— Моя чашка! — с сожалением я посмотрела на еще покачивающиеся половинки.

— Что с тобой? — Макс притянул меня к се-

бе, заглянул в глаза. Услышала, как ногой он отодвинул осколки подальше под стол.

— Голова закружилась. Уже прошло.

Он посадил меня на колени, прижал к себе.

— Не бойся, все будет хорошо.

— Ехать не надо! Если гора не идет к Магомету...

— Твой Магомет около горы уже вытоптал всю траву. — Макс сразу догадался, что я собираюсь просить помощи у Олега. — Не думаю, что он сюда придет с пустыми руками. Стать вампиром не так сложно, наши ряды легковосполнимы, а вот Смотрители — вид, занесенный в Красную книгу.

— Зубров тоже почти уничтожили, но потом они быстро размножились в неволе.

— Тогда я запру тебя в мастерской, и ты начнешь размножаться почкованием, — грозно пообещал Макс.

— Я просто буду чаще носить твое кольцо, — честно пообещала я, пытаясь вспомнить, где его оставила. — И никакие беды ко мне не подберутся.

— Дай слово, что не позовешь Олега в город.

Я и не заметила, как недовольно насупилась, опустила голову, посмотрела на любимого исподлобья.

— Дай слово!

— Разговаривать с Олегом здесь будет гораздо проще, чем в Москве.

— В Москве нам нужен только Антон. Вы встретитесь, и он разрушит вашу связь.

— Что ты видел в Москве?

— Ничего особенного. Заглянул к Антону. Он почти все время спит. Я видел, как Борис вводил ему какое-то лекарство. А еще я почувствовал, что где-то рядом вампир.

— Катрин?

— Может быть. Я не разобрал.

— Как они могли ее так быстро поймать?

— Если у них появился хотя бы один ее волос или капля крови, то достать ее уже проще простого.

— Они ее не убили?

— Я не знаю, что они там делают. Но, может быть, я почувствовал не Катрин. Хотя Эдгара ведь нет, остальные разбежались кто куда...

— Кому же там еще быть? Маринка?

— Маринка здесь в городе, — прошелестел его голос. — Именно поэтому не надо, чтобы Смотрители приезжали. Ее легче всего найти. Девочка очень уязвима.

— Она злится на меня за Дэниэла?

— Нет. — Макс коснулся губами моего лба, словно хотел убедиться, что температура пошла на убыль, а значит, Антона снова принялись лечить. — Я рассказал ей, что было на самом деле с моей матерью. Она меня поняла. Но объяснить, что между взрослыми существуют свои отношения, я не смог. Боюсь, тебе самой придется с ней поговорить.

Я поежилась. Вспомнила холодные ненавидящие глаза, бледное напряженное лицо, растрепанные локоны. Я не должна была такое думать, но невольно появилась мысль, что для Маринки лучше было бы умереть, чем стать вам-

пиром. Мне казалось, смерть для нее была бы гуманнее.

— Ты с ней часто встречаешься? — О чем-то я его хотела спросить? Какая-то еще встреча меня волновала, чьи-то глаза...

— Она уже неплохо освоилась, ей не требуются учителя.

— Может, не один ты интересуешься происходящим в Москве? Кстати, а где Лео?

— Лео в своей любимой Франции, в двадцатый раз прогуливается по залам Лувра. Или бродит по музеям Флоренции. Он всегда был неравнодушен к прерафаэлитам[1]. Последние события сильно пошатнули его внутренний мир. А искусство возвращает ему ощущение гармонии.

— Тогда, может, все же Эдгар? Пришел мстить за Грегора...

— Про Эдгара ничего не скажу. Его нельзя обнаружить, если он сам того не захочет. Но если город сейчас пуст, значит, Эдгар ушел, а вслед за ним потянулись все. Сидит сейчас где-нибудь в Китае или Индии. Там своеобразное отношение к смерти, оно нам очень подходит.

Я невольно вздохнула. Индия им подходит... Вот ведь незадача какая! На мгновение я прикрыла веки, и вдруг увидела, что на меня в упор смотрят маленькие красные глазки-бусинки. Крыса пискнула и убежала в темный угол. Тревога толкнулась в горле.

— Белка! — выпрямилась я. — Мне надо покормить крысу, а то она кого-нибудь съест.

— Останься, я принесу твою крысу. — Макс опустил руку мне на плечо, но вместо радости его жест почему-то вызвал недовольство.

— Сама схожу за ней. — Я попыталась встать, но соскользнуть с колен не получилось.

— Не уходи. — Голос Макса был глух. Он не просил, кажется, он... приказывал?

— Родители уже ушли, — наполнялась я раздражением.

— Ты же, как всегда, без ключа, — напомнил Макс.

— А как ты вошел? — Я кивнула на чайник.

— Попросил, чтобы мне открыли. Извини, но я не обладаю способностью отворять запертые двери. Мне легче сломать.

Ладно, дверь коридора откроет сосед. А квартиру? Надо посмотреть в куртке, ключи наверняка там.

— Мама могла задержаться. — Я высвободилась из рук Макса. Не понимаю, почему он меня удерживает. Что за дела? Я хочу уйти. Мне надо умыться, переодеться. Хочется выпить кофе с сыром. А здесь темно, стены давят...

— Она ушла. — Макс остался сидеть на стуле. — Тебе лучше еще немного подождать.

— Кого подождать?

Куртка не находилась. Я ее вообще до мас-

---

[1] Прерафаэлиты (*англ.* Pre-Raphaelitie Brotherhood) — направление в английской поэзии, живописи и критике во второй половине XIX века, образовавшееся в начале 50-х годов с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам. Полагали, что живопись закончилась с Рафаэлем, а потому исповедовали возврат к канонам дорафаэлевой эпохи.

терской-то донесла? Или в порыве страсти ее с меня сорвали еще на лестнице?

— Около двери висит на крючке, — подсказал Макс. — Но я бы на твоем месте допил чай...

Я выразительно посмотрела на пол. Моих любимых рыбок больше не было. Они разбились, вывернув наружу комок разварившегося чая и коричневую жижу.

— Мне нужна новая чашка. — Куртка была неприятно прохладной.

— Я принесу. — Макс не сдвинулся с места.

— Схожу сама! — Терпеть не могу, когда меня задерживают. И когда ничего не объясняют. Мог бы не сидеть здесь истуканом, а... — Как же ты войдешь в закрытую квартиру?

— Я возьму чашку в магазине.

Хвастун!

Я распахнула дверь — она, как всегда, была не заперта. Ну да, зачем вампирам запоры? Кто к ним полезет добровольно? Да и что здесь брать кроме пыльных воспоминаний...

Я вылетела из мастерской, собираясь вызвать лифт, подняться на двенадцатый этаж и уже на месте решать, как попасть в квартиру. Мне просто физически необходимо было побыть одной, понять, что происходит.

Из всего задуманного я успела только сделать шаг к лифту. Краем глаза заметила, что в дверях мастерской появился Макс.

Стоящий напротив меня Пашка опустил баллончик с краской. На стене красовалось незаконченное: «Гурьева — вамп».

Та самая надпись, о которой говорила Макелова. Судя по незавершенности этой, прошлую кто-то вчера замазал краской в тон стене. И вот Колосов пришел восстановить порушенную красоту.

Глава V

«...ИБО КРЕПКА, КАК СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ»

«Утро. Ты выходишь из мастерской Макса. Видок у тебя не очень причесанный...» — услужливо подсказывало мне сознание.

«Зашла за отверткой?» — выдвинула я свою версию происходящего.

«Чтобы мозги подкрутить?»

«Он меня заливает».

«Не подойдет. В мастерской нет ванны, через край которой что-то может политься».

«Да он вообще живет в подвале!» — возразила я сама себе.

«Тем более», — согласилось сознание, заняв место в партере. Ему было интересно, как я выкручусь. Мне и самой интересно.

— Тебя проводить? — первым подал голос Макс.

Все-таки у него реакция лучше, чем у нас с Пашкой, вместе взятых. Мы еще не успели ничего сообразить, а он уже предложил свою версию моего спасения. Умница. Но мне такой вариант не подойдет.

— Хорошая картинка, — фыркнул Колосов. Мог бы и помолчать! Его не спрашивали.

— Не надо провожать! — Я, не отрывая глаз, смотрела на Пашку.

Макс кивнул и скрылся за дверью мастерской. Значит, задержись я в мастерской минут на пять («Надо еще немного подождать»), встречи с Колосовым не произошло бы? Вот почему я чувствую вампиров и не чувствую Пашку? Уже пора на него как-то реагировать по-особенному.

— Художник... — Я снова подняла глаза к надписи.

— Ерунда! — Пашка одним движением зачеркнул мою фамилию, оставив многозначное «вамп».

Я прислонилась к стене. Надо было как-то объяснить Пашке свое появление, да и от него хорошо бы послушать парочку версий происходящего. Все-таки две недели не виделись.

Он стоял под своей надписью и смотрел на меня. Высокий, лохматый, осунувшееся лицо, тонкий нос, обветренные губы, хмурые глаза, в уголках собрались лучики-морщинки. Взгляд настороженный, словно он оценивал ситуацию, взвешивал свои шансы получить от меня по шее сразу или немного погодя. Я заговорила первая.

— Что ты так смотришь?

— Смотреть на красивых девушек всегда приятно, — медленно, словно читая неподготовленный текст пьесы, произнес Пашка.

— Засчитывается за комплимент, — кивнула я.

— Ты правда очень красивая, — упрямо повторил Колосов.

— Думаешь, поможет? — кивнула я на стену.

— Пока придумываются другие методы, сойдет и это, — процедил Пашка. Лицо его начало медленно краснеть. С румянцем он все больше и больше походил на себя прежнего, весельчака и болтуна. — Сегодня тренировка. Пойдешь?

Он как будто специально обходил тему моего внезапного появления из мастерской вместе с Максом. Слишком все однозначно, так что и говорить не о чем?

— Мне кажется, — вздохнула я, — что в открытом бою против тебя мне уже не выстоять.

— Засчитывается за комплимент, — подхватил мои слова Колосов. — Но я не настолько хорош, как некоторые.

— Не забывай, мы живем в цивилизованной стране. Я надеюсь, ты не притащил с собой саблю и не собираешься никому рубить голову?

— Где, как не в цивилизованной стране, этим заниматься? — Пашка кивнул. То ли на дверь, намекая, что ночью между нами с Максом что-то произошло, то ли на меня, как типичного представителя цивилизации.

— Не страдай фигней. Я болею, мне сейчас не до тренировок.

— Вижу, как ты болеешь!

Я прикрыла глаза, прислушиваясь к себе. Макс был рядом. Я его чувствовала. Готова поспорить, что стоит за дверью. Положил ладонь на косяк. Слушает. Страдает. Если такое понятие к нему применимо. Или просто ждет, когда мы закончим говорить, чтобы выйти и таки проводить меня до квартиры. Ему все еще интересно, как я буду входить без ключей?

Пускай еще немного подождет, приберется пока, чашку разбитую выбросит.

— Пойдем... — Я направилась к двери на улицу. Если мы будем во дворе, Макс вряд ли сможет нас услышать.

Пашка бросил прощальный взгляд на недописанную фразу, сунул баллончик в карман и потопал за мной.

На улице было сумрачно. День только-только разгорался, в небе таяли последние звезды, облаков не видно, а значит, сегодня будет солнечный день. Может быть, даже подогреет. Пока же было холодно. Стылый, слежавшийся за ночь воздух с готовностью стал пробираться под куртку, ущипнул колени сквозь тонкие джинсы — ему тоже хотелось согреться.

— Если бы не вампиры, то производство чеснока в нашей стране загнулось бы. — Пашка с совершенно серьезным лицом пнул камешек. — Я все магазины обошел, только в одном раздобыл. Скупил все запасы — килограмм.

— Не густо, — согласилась я, кутаясь в куртку. — Можно попробовать еще святую воду.

— Пробовал, не помогает. — Пашка снова пнул камешек.

— Есть на ком тренироваться? — странно, но холод меня не бодрил.

— На крысах. — Камешки кончились. Колосов ссутулился и встал напротив. — Я тебя дождусь.

— Я никуда не уезжаю. — Сидя на лавочке, смотреть на Колосова было неудобно, приходилось задирать голову, поэтому я изучала грязные Пашкины джинсы. Прямо перед моими глазами было пятно от ручки.

— Я их всех уничтожу!

— Вакансия Ван Хельсинга не объявлена. — На коленке джинсов имелось земляное пятно, словно их владелец недавно упал, а отряхнуться забыл.

— Разберемся своими силами, без серебряных пуль. — Колосов упрямо набычился.

— Кажется, ты собирался совершить нечто обратное, — напомнила я.

— С этим тоже успеется, — решил не спорить Пашка.

Его ответ заставил меня поднять глаза. Не то чтобы вампиром стать так уж трудно. Если покопаться среди моих недоброжелателей, можно найти парочку милых созданий, с удовольствием удовлетворивших бы желание Колосова по преображению. Он хотел стать вампиром, чтобы доказать мне, что может быть лучше Макса. Хотя слово «лучше» здесь не подходит. К Максу никакие сравнения не подходят. Он такой один.

— Еще, говорят, хорошо помогает приворот, — доложил Колосов.

— Кого к кому?

Пашка поднял руку, но, не дотянувшись до моей головы, опустил ее.

— Любой колдун может сделать, чтобы ты в меня влюбилась.

— И кто же у нас такой умный, что советы раздает? — Я с опаской следила за его движениями. Вот только пускай попробует что-нибудь

у меня взять. Тоже колдун нашелся! — Шел бы ты в школу.

— Ходят слухи, что ты уже половину экзаменов сдала экстерном. — Колосов обрушивал на меня с высоты своего роста всю печаль и тоску, что накопилась у него на душе. — Он тебя увозит?

Половину экзаменов? По-честному? Обманщик!

— Будешь висеть над душой, уеду, не дожидаясь последних экзаменов.

— Гурьева, ты хоть представляешь, что делаешь?

— Я не виновата, что Жанну д'Арк сожгли. — Теперь я смотрела на стоптанные Пашкины ботинки. Грязные, давно не чищенные. Тоже мне, кавалер! — Мои люди были на подходе, но не успели. А Джордано Бруно сам оказался дураком. Гумилев и Мандельштам не на моей совести.

Пашка отвернулся.

— Порой мне кажется, что тебя подменили, — сообщил он кустам напротив. — Раньше ты была другой.

— По народным поверьям, девушку, выходящую замуж, оплакивали как умершую.

— Ты собралась замуж?

— Дурак!

Как еще ему объяснить, что влюбленный человек похож на невлюбленного, как пенек на зеленую березку?

— Ты тоже раньше шутки лучше понимал, — вздохнула я.

Запищала подъездная дверь, и во двор вышел папа. Мой милый, добрый, спокойный папа. Повышенной эмоциональностью я пошла в маму, не в папу. Увидев его, я подпрыгнула на лавке. Сначала от страха, что придется как-то объяснять свое утреннее сидение во дворе, а потом от радости — можно наконец прервать этот ненужный разговор. И уже в-третьих, я поняла, что спасена еще и по другому поводу. Папа посмотрел на меня, сунул руку в карман.

— Хлеб кончился, — сообщил он. — И к чаю надо что-нибудь купить.

— А работа?

— У меня обед, — на пальце у папы болтались ключи. — Чайник поставь.

Чайник у Макса. Так же как и моя разбитая чашка.

— Здравствуй, Павел, — кивнул папа Колосову.

— Поставлю обязательно! — заторопилась я, перебивая папу, боясь, как бы он не зазвал Колосова к нам домой на пряники. — А ты, Пашка, иди. Es klingelt![1]

— Чего? — напрягся Колосов. Наверное, его предки были партизанами в Брянских лесах — на мой вариант немецкой речи он среагировал как-то странно.

— Потом поговорим, мне лекарство пить пора. — Я зажала ключи в кулаке. Острые бородки приятно укололи ладонь.

— Значит, на тренировку не пойдешь? — с

[1] Звенит звонок! *(нем.)*

упрямством, достойным осла, повторил Колосов. — Или твой тебя никуда не пускает?

Я направилась к подъезду. С Пашкой все понятно. Он теперь может часами оскорблять меня, доказывая, какой я стала отвратительной. Для него любой мой поступок будет плох, пока я с Максом. И сделать тут я ничего не могу.

Или могу? Из подручных средств есть только сабля, которой я с удовольствием настучала бы по упрямой Пашкиной башке. Но сил у меня на такой подвиг нет.

Я поднялась к лифтам. Было тихо. И сердце мое молчало. Макс ушел? Обиделся?

Ладно, потом.

Ключи с какой-то особенной восторженностью крякнули в замке. Словно лишний раз подчеркивали свою нужность. А может, они вовсе и не нужны были. Не выйди папа, я бы постояла на улице и вернулась к Максу. К его большой радости.

Квартира встретила меня знакомыми шорохами, запахами, поскрипыванием пола, бормотанием телевизора за стенкой, в соседской квартире.

— Белка! — в первую очередь позвала я. Если я крысу не покормлю, Маркелова меня сама съест. — Зверь!

Вроде где-то зашуршали газетой. Что-то щелкнуло, словно выключился закипевший чайник.

Чайник?

— Крыса, ты где?

В моей комнате было прибрано, постель заправлена, тапочки аккуратно стояли около стола. Стопка учебников, Леркины тетрадки...

— Белла!

Шуршание повторилось. Я заглянула на кухню. По полу мне навстречу двигалась газета. Уверенно так топала, перебирая маленькими крысиными лапками.

— Чик-трак, домик отрывается... — подняла я шуршащую бумагу за топорщившийся край. Крыса на мгновение повернула ко мне острую мордочку, дернула усиками и бросилась под стол. — Одичала за день, что ли? — полезла я следом за ней. Но далеко не ушла. — перед моими глазами мелькнуло что-то знакомое. Я медленно подняла голову. Рыбки, белые. Одна плывет в одну сторону по синему фону, другая в обратную. Чашка стояла на столе. Я схватила ее в руки. Ни щелочки, ни зазоринки. Целая. Не склеенная. Только из магазина — внутри болтаются бумажные чешуйки.

Успел.

Я коснулась чайника. Он был горячий. Как будто только что вскипел.

Наверное, я должна была разозлиться. Меня опять провели как маленькую. Но я могла только улыбаться. Макс неподражаем!

Даже Белка вылезла из-под стола и с любопытством стала смотреть, кто это тут смеется.

— Да, зверь, — притянула я к себе крысу, — вот так и живем. Ты чашки ешь? — Крыса понюхала блестящий фарфор и отвернулась. — Значит, будем тебя кормить другим.

Я взяла мохнатое тельце в руку. Пора отда-

вать Белку хозяйке. А то с моим режимом крыска исхудает. Спокойно болеть мне теперь не дадут.

Пока Белла грызла свои семечки, я вымыла чашку, заварила чай и села на кухне ждать папу. От недавнего приступа осталась только слабость, и она позволяла мне немного побыть на кухне.

За окном на подоконнике таял снег. С крыши капало — вставшее солнце принялось за свою работу. С козырька над окном натекла сосулька, теперь она медленно истончалась, отражая на стену изломанный свет солнца.

Белка возилась на полу. Было тихо. Тело привычно ломило, оно звало меня поваляться в постели. Уходить с кухни не хотелось. В комнате мне бы пришлось либо снова спать, либо открывать учебники. И то и другое сейчас виделось какой-то бессмыслицей. Что толку учиться, если твоя жизнь зависит от кого-то другого?

«Антон...» — мысленно произнесла я, вспоминая крупного веселого парня с рыжими непокорными вихрами. Компьютерный гений, чихающий при появлении вампиров. Я не хотела ему вредить. Мне просто надо было отвлечь Смотрителей, чтобы увести Макса подальше. Белка очень кстати попалась под руку.

И что же теперь? Сами Смотрители наверняка знают, как ему помочь. Аркан из «нехороших» предзнаменований строился постепенно. Неприятности скапливались вокруг меня в тот день маленьким ураганом, но я, как могла, гасила их «обратными» знаками. «Добрая» Катрин подлила масла в огонь, разбив зеркало и доведя количество гостей в тот вечер до тринадцати. Я подбросила Антону крысу, вестницу зла, проводницу из мира живых в мир мертвых. Тоже не душевный символ. Аркан замкнулся на Антоне. И если на вампира он действует весьма специфически — тот теряет свои качества, ненадолго становится уязвимым для Смотрителей, — то человек... А что происходит с человеком? Он становится хроническим неудачником? И вылечив насморк, тут же заболевает ангиной? Но ведь все можно исправить: собрать вокруг Антона хорошие приметы — на удачу, на здоровье, от сглаза, в конце концов. Только этого никто не делает. Почему? Может, не догадываются?

Первым моим желанием было позвонить Олегу и рассказать о своем открытии. Но вместо того, чтобы пойти в комнату за телефоном, я открыла холодильник и достала сыр. Вот чего мне не хватало — куска сыра. Под него я всегда хорошо думаю. А еще мне нужна чашка кофе. Я отодвинула заварник, щедро, через край, насыпала коричневый порошок, плеснула кипятка. Знакомый кисловато-горький запах поплыл по кухне. Макс непременно сделает замечание, что я ем одну гадость. Он унюхает запах кофе даже через три часа. Может быть, растворимый кофе и не очень полезен, зато кофе с молоком, то есть с сыром — в самый раз.

Значит, Антона они не лечат специально. Может быть, даже для того, чтобы держать меня на коротком поводке, все время знать, где я и что делаю.

Я дернулась, чуть не опрокинув чашку. Что

было бы, если бы Макс не стал останавливаться и вчера в мастерской произошло все то, о чем мы потом говорили? Неужели в Москве об этом тут же узнали? Какой ужас! С силой я провела ладонями по плечам, словно этим движением могла освободиться от невидимой ниточки, связывающей меня с Москвой.

Подло и мерзко! Как они могли?

Захотелось немедленно стереть, снять с себя заразу. И я шагнула под душ. Воду сделала погорячее и стала ожесточенно тереть себя мочалкой. Сильно за спину руки завести не получалось, поэтому я с особым усилием терла живот и плечи. Спину потом старательно оттерла полотенцем. Побрила ноги, подстригла ногти, проследила, чтобы ничего не осталось, все сбежало в сливное отверстие. Любителям сглазов и наговоров нечем будет воспользоваться! Потом в чистое. На какое-то время мне показалось, что никакой болезни нет, но стоило переступить порог ванной, как все вернулось обратно. Я с трудом подавила в себе желание повернуть по коридору направо и в комнате упасть на кровать. Пошла налево, на звук льющейся воды.

На столе лежали вафельный торт, пачка масла, батон хлеба, сыр, упаковка овсяного печенья. Я очень люблю своего папу. За то... за то, что он нормальный. И никогда не лезет в мои дела. Сейчас он сделает себе несколько бутербродов с колбасой и сыром и либо уйдет в комнату к телевизору, либо останется на кухне читать газету. Толстый кусок белого хлеба, щедрая порция масла, колбаса свисает с боков бутерброда, приличный ломтик сыра — мой папа умеет и любит жить. Ему мои страдания не только непонятны, но и непредставимы. Он живет в удовольствие. Я же старалась удовольствие в своей жизни разрушить. Вот такие у меня маниакальные способности.

— Ты уже попила кофе? — быстро глянул в мою сторону папа. — Я тебе налил чай.

Ну, кто еще мог так поступить? Не предложение, не приказ — угощайся, и все тут!

Я села к столу, покосилась на газету. Белка прогрызла дырку прямо посередине. Значит, папа пойдет смотреть телевизор, читать ему нечего.

— Здесь ничего важного не было? — развернула я лист.

— Теперь уже нет, — выразительно посмотрел на меня папа. — Но в следующий раз корми крысу до того, как она отправится на охоту. Мама будет недовольна, если очередная Лариска съест ее тапочки.

— Ее зовут Изабелла, — обиделась я за гостью, — и она очень извиняется. К тому же Белка съела только рекламу и пару статей.

На глаза бросилось что-то знакомое. Какое-то слово, на которое я не обратила внимания, но теперь оно как бы стояло перед глазами, но я не в силах была его вспомнить. А потому снова уткнулась в газету. Белка на полу тревожно забегала, запищала, просясь на руки, словно дитя.

— Сейчас, сейчас... — пробормотала я. Что же там было за слово?

Белка укусила меня за ногу. Вот ведь зараза! Я отпихнула от себя крысу, и та, крутанувшись

разок за своим хвостом, устремилась в коридор. Я проводила ее глазами. Куда может бежать зверь? Пойдет устраивать сидячую забастовку? Каску забыла прихватить, стучать об пол будет нечем.

— Пап, а ты не покупал другую газету? — спросила я, еще не понимая, что хочу услышать от отца.

Проводник между миром живых и мертвых... Зверь, нарушивший аркан... Чувствовать могут только те, кто умеет это делать...

Цокот коготков стих. Либо крыса добралась до ковра в комнате родителей, либо...

Я выглянула в прихожую. Хорошо, что мы подарили Маркеловой белую крысу. Если бы она была темная, постоянно терялась бы. А так зверек-альбинос на темном папином пальто смотрелся как неудачно поставленная заплатка.

— Белка, меняешь хозяина?

Мой вопрос зверька не остановил. Крыска ловко ползла к карману, из которого торчала газета. Я подождала, когда она вонзит зубы в периодическое издание, и только потом взяла их обоих в руки. Белла снова пыталась искромсать рекламу.

— С тобой может быть солидарна вся страна — рекламу любят только рекламодатели. — Крыса больно укусила меня за ладонь, отвоевывая лакомый кусочек. — Эй, верну Маркеловой, она посадит тебя на сухой паек из туалетной бумаги! — припугнула я Белку. Но угроза не подействовала. Пришлось ее засовывать в перчатку. Пока она прогрызет жесткую кожу, можно будет разобраться с газетой.

— Папа! Почему крысы не любят рекламу? Потому что их заявки никогда не печатают?

Отец оторвался от газеты — он все же пытался читать то, что ему щедро оставила хвостатая вредительница.

— Они читать не умеют, а от рекламы вкусно пахнет, — пожал плечами папа.

— От рекламы вкусно пахнет, если в нее заворачивали колбасу. Лично я никогда не любила запах типографской краски. В нем есть что-то тяжелое. Чтобы лишний раз в том убедиться, я ткнулась носом в газету и прямо перед собой увидела крупное слово: «СГЛАЗ».

«Сниму сглаз, порчу, наведу приворот...»

Я окинула взглядом весь столбец. «Целительница Тамара», «Ясновидящая Софья», «Колдун третьей категории Иван»...

Половина из всего, что здесь написано, конечно же, бред. Ничего они не могут, только деньги трясти. Но ведь с чего-то все у них началось? Они что-то почувствовали, что-то увидели...

Я провела рукой по странице, ладонью снимая налет черной типографской краски.

«Ведьма из Воронежа. Делаю все!» Не то. *«100% помощь без греха»*. Это они о чем? *«Ведьма Василиса. Сделаю все на 200%»*. Ого, ставки растут! Выполним и перевыполним план! Пятилетку в три года, вместо одного мужа сразу два. Один так, второй на всякий случай. Если Пашка позвонил по одному из названных телефонов, я его закопаю под запасом тренировочных сабель.

«Наталья. Гадаю. Предсказываю. Помогу». Кто кому — еще вопрос... *«Настоящая ясновидящая денег не берет! Рассказывать ничего не надо — помощь и результат сразу»*. Похоже на старый анекдот — «Гусары с женщин денег не берут. Они сами им дают». Двусмысленно.

Не то, все не то! Люди, которые чувствуют... Не обязательно Смотрители. Маги, например. Те, что живут по закону земли, которые знают травки. Вот кто сможет снять замкнутый аркан! Одна примета перебивается другой.

— С Максимом поругались? — Папа кивнул на колонку «магов».

— Наоборот.

Я все разглаживала и разглаживала надкушенную газету. Не только Смотрители обладают силой и знают приметы. Смотрители — ученые от города, приметы по книжкам изучают. А есть те, кто приметы замечает, кто знает особенность каждой вещи, каждого дерева, каждого кустика.

И имя им... колдуны?

Я поежилась. Конечно, настоящий колдун рекламу давать не будет. Ни к чему. Если надо, к нему и так придут. И денег он не возьмет — человек сам заплатит свою цену.

Я с удвоенной силой принялась мучить газету, так что она порвалась.

Ой! Не крыса — так я. Не судьба папе нормально почитать. Я пригляделась к тому месту, что так старательно грызла Белла. Здесь тоже было объявление по колдовству, но оно было изгрызено в лапшу.

Проводник... Уж не это ли объявление не понравилось хвостатой бестии?

— Папа, у тебя случайно третьей газеты нет? — без всякой надежды спросила я.

Третьей газеты не было. Но я уже знала, где и что искать. И даже догадывалась, у кого спрашивать.

Время близилось к двенадцати, мне опять хотелось спать. В коридоре на полу валялась перчатка. Палец был разорван. Значит, я двигаюсь в правильном направлении.

Я набрала номер Маркеловой.

— Болеешь? — с тоской спросила меня готка.

— Умираю, — бодро сообщила я. Хотя бодрости во мне было — до кровати дойти. — Крысу свою забери. Она у меня всю кожгалантерею съела.

— Корми, корми, — с явной радостью в голосе напутствовала меня Лерка. — Дневник мой у тебя?

— Не читала, — сразу ответила я на предполагаемый вопрос.

— Врешь! — Вообще Лерка была мирным человеком, вот только последнее время что-то у нее с головой сталось.

— Приходи, проверишь, — щедро предложила я.

— И как же я проверю? — усомнилась Маркелова.

— По отпечаткам пальцев и тайно забытым волоскам. Любая дактилоскопия даст тебе ответ...

Лерка натужно засопела. Я тяжело оперлась

о тумбочку, на которой стоял телефон. Опять мне плохо. Хотелось позвать Макса, чтобы он пришел и сделал так, чтобы болезнь ушла насовсем.

— Топай ко мне, пока я не уснула, — стала я зазывать подругу. — А то в бессознательном состоянии я за себя не отвечаю. Может, чего и прочитаю не то.

— Я тебе прочитаю! — слишком громко и жизнерадостно воскликнула Лерка. Фиговый из нее гот получается. — Жди.

Жду. А что мне остается? Я доползла до кровати. Болезнь сродни любви — незаметно заражаешься, а потом всеми силами начинаешь от нее лечиться. И почему любовь так не вписывается в наш правильно-математический прагматичный мир? Ни школа, ни родители, ни друзья рядом с любовью ужиться не могут. И этот выбор... Постоянный, мучительный выбор между и между. Эта мука, эта боль — она постоянно тянула меня к Максу. Хотелось его видеть каждую секунду, чувствовать, что он рядом...

В душе защемило, дышать стало тяжело. Мне показалось, что я стою на обрыве и смотрю вниз. Голова кружится, в груди щекочет так сладко и одновременно так неприятно, и пальцы на ногах щемит, и ноги становятся как деревянные. И понятно, что надо отойти, перевести дух, но я все смотрю и смотрю вниз, до дурноты. И вместе с этим приходит осознание, что любовь — настоящая любовь, а значит, и моя — всегда будет трагедией. Сладко-щемящей трагедией с тайной надеждой на счастливый конец.

Но в том-то и крылась величайшая тайна, что ответа на вопросы о любви нет, как нет конца нашим отношениям с Максом. Чем все у нас может закончиться? Свадьбой? Детьми? Но это не исход любви. Это все природное, необходимое, житейско-бытовое, во что превращают любовь умные взрослые люди, которым надо как-то жить, на что-то кормиться, у которых есть свои тщеславные устремления. Жизненные удобства, расчеты, компромиссы не могут соседствовать с любовью. И какая же я дура, что все еще цепляюсь за такие глупости, как кто где спал и где проснулся! С любовью это не имеет ничего общего. Просто отголосок старой жизни, та шкура, что уже слезла со змеи, но еще цепляется за ее хвост отжившими чешуйками.

От таких мыслей, от того, что меня вдруг переполнила любовь, сердце заболело. Дыхание перехватило. И все то глупое и наносное, все те ненужные слова, что я все еще придумывала, стали от меня уходить. Не надо бороться за любовь. Любовь — данность. Именно это мне каждый раз пытается объяснить Макс, а я все не понимаю. Я все еще требую каких-то доказательств. А их нет и быть не может. Любовь не выражается в предметах и расстояниях. Что бы теперь ни происходило, где бы я ни была, все не имеет значения, потому что у меня теперь есть моя Вселенная, наполненная любовью, свой истинный смысл, рядом с которым вековые знания — ничто.

И как бы подтверждая мои слова, до сих пор мирно стоящая стопка учебников вдруг опрокинулась. Белая тень мелькнула по ковролину.

А в груди все сжималась и сжималась какая-то невидимая частичка меня. Было больно и радостно.

Я стояла над обрывом, чувствуя неприятные мурашки, и понимала, что счастлива. Счастлива сейчас и навсегда. И что бы ни произошло дальше со мной и с Максом, я сохраню в себе свое чувство любви — чувство вечного восторга перед жизнью и перед этим даром, весь смысл которого умещается в такое короткое слово.

Глава VI

СБОРЫ В ДОРОГУ, КОТОРОЙ НЕ БУДЕТ

Сон был черный, непроглядный. Вырывалась я из него с трудом. Он держал меня в своих мертвых объятиях, все шептал, чтобы я не шевелилась. Но назойливая птичка стучала в стекло, теребила мои волосы, заставляла вспоминать, о чем-то думать. Двигаться.

Глаза открывать не хотелось, но пришлось.

В комнате еще было светло, солнечный свет сместился в дальний правый угол окна, но тело свое я еще не чувствовала. Оно спало, запрещая мне брать его под свою команду.

Звонок в дверь пропел снова. Сердце в груди шарахнулось, заставив меня глубоко вдохнуть и закашляться. Я повернулась на бок, пытаясь сообразить, что происходит. Птичья трель повторилась, раздраженно, настойчиво. А когда она смолкла, казалось, книги, стол, стул и брошенная на его спинку кофта продолжают звенеть, будить, теребить.

Не успела смолкнуть эта перекличка, дал о себе знать сотовый телефон, и стало понятно: нет, мне не спрятаться и в черноту сна уже не вернуться, придется вставать.

Не чувствуя под собой ног, держась за стены, я добрела до прихожей, тяжело опустилась на стул. В дверь шарахнули чем-то тяжелым. Будем надеяться, что бьются головой. Не так будет обидно за последствия, потом можно говорить, что к делу подошли с умом.

Я дотянулась до замка. Дверь распахнулась.

На пороге стояла Маркелова в знавшем лучшие времена длинном черном пальто и черном шарфе, обмотанном вокруг горла, в армейских ботинках, в черной короткой юбке и черных колготах. Вид ее был сумрачен. Как всегда. Ей шло.

— Спишь, что ли?

Лерка пошла в комнату без лишних предложений. Белка предательницей метнулась к ногам хозяйки. Ладно, ладно, попросит она у меня новенькую перчатку... Дам ей резиновую, для мытья полов.

— Сплю! — еле кивнула я. Теперь надо было как-то перенести свое тело из прихожей обратно на кровать, что в моем состоянии — задача почти невыполнимая.

— А то я стучу, стучу... — Маркелова окинула взглядом комнату, нашла свои тетрадки. Интересно, кого она ждала у меня увидеть? Нет, не интересно. Совсем не интересно.

— Ты встречалась с Максом? — Вопрос вырвался сам собой. И я поняла, что меня все это время тревожило — профиль на полях. Он появился не просто так.

— Сегодня — нет, — не задумываясь, ответила Лерка. Она была поглощена перелистыванием своего дневника. Очевидно, пыталась найти отпечатки пальцев или другие доказательства его нетронутости.

— А когда — да?

Я откинулась на стену, чувствуя, как внутри развязывается тугой узел, как перестает болеть душа, как медленно и уверенно начинает стучать сердце.

— Ну, он пару раз подходил ко мне... — все еще не обращая внимания на то, что говорит, пробормотала Маркелова и замолчала.

Смешно получается. Шел как-то Макс утром в булочную за свежим хлебом и пряниками, ни о чем плохом не думал, а тут навстречу ему Маркелова с багетом под мышкой. Сначала они о прогнозе на урожай на будущий год поговорили, потом об изменении климата и озоновых дырах, о перспективах экономического развития нашей страны, затем обсудили качество обслуживания в магазинах. И так увлеклись, что Маркелова в душевном порыве написала портрет Макса на полях своей тетрадки. А ведь Макс мог не только сделать так, что его проход по улице остался бы незаметным, но и стереть из Леркиной памяти встречу, чтобы никакое подсознание не подкинуло ей идею писать портрет прекрасного незнакомца. Насколько я успела узнать любимого, случайностей он не допускает. Бывали у него только плохо просчитанные намеренности. Но тут явно не такой вариант.

— Что хотел? — спросила я как можно безразличней.

Кого обманываю? Я и в нормальном-то состоянии актриса никакая, а сейчас и подавно. Я прошла в комнату, начала переодеваться. Джинсы, блузка. Еще бы расчесать волосы, со сна они немного спутались. Носки не находились.

— Ты же все прочитала. — Лерка стукнула тетрадью о ладонь. О, сейчас она была хороша! Черные, от недавней покраски еще тяжело-ровные волосы обрамляют узкое бледное лицо, пухлые искусанные губы, синеватые полукружья под темными глазами.

— Я не читаю чужих дневников. — Сказала и тут же пожалела, что проявила повышенную сентиментальность. Стало вдруг любопытно — что же у нее там написано? Ведь известно, не искушай вора — не оставляй сумки без присмотра. То бишь не путай дневники с тетрадками...

— Врешь! — выпалила расстроенная Маркелова. Настроение в «минус» у нее скачет гораздо легче, чем в «плюс».

— А я ревную! — сразу обозначила я позиции.

— Тогда и спрашивай у него. — Маркелова сгребла остальные тетрадки.

Когда-то именно Лерка заметила, что в Максе есть нечто необычное. Все видели только его неожиданную для наших мест красоту. Но кра-

сота — еще не событие. Красивых людей много. Макс же, сам того не замечая, создавал вокруг себя определенную атмосферу, и то, что в нем есть несомненная загадка, Лерка ощутила первая. Правда, как истинный гот все списала на мир тьмы, поэтому и стала твердить, что он если не вампир, то что-то близкое к тому. И не ошиблась. А не потому ли Маркелова снова ударилась в готство, что в Максе есть печать тьмы — сущности, с которой ему все время приходится бороться? Он с ней пару раз поговорил, Лерка вспомнила молодость и снова отправилась в парикмахерскую перекрашиваться ..

— Всегда интересно послушать обе версии. — Я не знала, как задержать Лерку, по всему выходило, она собиралась уйти.

— Не жадничай.

— В смысле?

— У вас любовь-морковь, ведь так? — Маркелова резко повернулась ко мне, встав против света. Сейчас она выглядела истинно демоническим существом — темная, без лица, рассерженная, сквозь разметавшиеся пряди волосы пробивается солнечный свет. — Что же ты боишься? Как будто ему и поговорить ни с кем нельзя. Он же тебе наверняка разрешает встречаться с Колосовым? И не клацает зубами от ревности?

— При чем тут это?

— А при том, что спрашивал меня Максим именно о Павлентии. Что он да как? Не заглядывает ли к нам в тусовку? Не слышно ли что про Дракона? И не надо ли ему помочь?

Странная параллель. Никакой связи между Пашкой и Драконом я не видела. Единственное — однажды Дракон попытался стать вампиром, а закончилось все тем, что его увезли в больницу с нервным срывом. И был он тогда маркеловским парнем. Что у них сейчас, не знаю. Месяц уже прошел, срок большой. За месяц революции случаются и войны.

— И что Колосов? — Судьба Дракона меня не заботила. Отдаленно я слышала, что у него все хорошо: взял в своем ПТУ академический отпуск по здоровью и отсиживается теперь дома. Такой же судьбы Пашке я бы не хотела.

— Откуда я знаю? Я за ним не слежу. — Лерка сдавалась. И свет уже не так пробивался сквозь ее волосы, и темноты в лице стало меньше, и голос подобрел. — Сам дурак! Нашел в кого влюбиться.

— Ты тоже нашла себе предмет увлечения, который уже занят, — напомнила я. То, что Маркелова неровно дышит к Максу, было понятно. Тем же объяснялось, что она так зачастила ко мне.

— Вечная на Земле только смерть, остальное преходяще, — отмахнулась Маркелова, подхватывая прыгающую около ее ног Беллу — зверек никак не мог вскарабкаться по высоким гладким ботинкам хозяйки.

— Ворожить будешь? — вспомнила я слова Пашки.

— Там посмотрим, — многозначительно ответила Маркелова. — Силы зла на нашей стороне.

— Вот уж без сомнения, — согласилась я. — Нашла специалиста?

— Есть один чел, Мельником зовут. Говорят, что угодно может сделать. Надо только вещь того человека при себе иметь. У тебя тут ничего от Макса не завалялось?

— Сама у него попроси. Он тебе не откажет. — Во мне начало просыпаться раздражение — Маркелова считает, что со мной можно так просто говорить на подобные темы? С чего вдруг? Я могу и разозлиться. Если захочу. Но пока мне ничего не хотелось. — И что там с Мельником? — напомнила я.

— Тебе-то зачем? — насторожилась Лерка.

— Буду Колосова отваживать, — соврала я. — Слов он не понимает, придется насильно.

— А что, ты к нему никак? — с сочувствием спросила Маркелова.

— Никак, — призналась я. Вот потянуло меня вдруг на откровенность. — Не то, понимаешь, совершенно не то. Я когда на него смотрю, словно заранее вижу все, что будет с ним дальше — школа, институт, мелочные разборки, бесконечные обсуждения за спиной... Это уже не любовь, а какая-то привычка, обязательность, привязанность. Как угодно назови.

— Как будто с Максом не то же самое. Все они одинаковые, — по-бабски, с тоской, произнесла Лерка, словно прожила уже не одну жизнь и все знает.

— Нет. С ним каждый день как впервые, каждый день по новой. И нет никакой определенности, никакого завтра. Только сегодня.

— Чего-то ты путаешь. — Лерка сделала шаг к двери. Мои слова ей не нравились. — Вы расстаетесь?

— Наоборот! Мне каждый раз интересно, что еще нового я в нем увижу, узнаю. Это какое-то вечное движение вперед.

— Но жить-то вы вместе будете? — скатилась на привычную тему Маркелова.

— Не знаю, — пожала я плечами.

— Ну, замуж-то он тебя звал? Как у вас все будет-то? — Лерка, кажется, сама уже не понимала, что спрашивала. — Он тебя куда-нибудь увезет? Откуда он к нам приехал?

— Понятия не имею. — Я отвела глаза. — Что будет, то будет. Наверное, через год мы будем знать больше, чем сейчас.

— Столько хороших слов только о покойниках говорят, — расстроенно буркнула Маркелова. — Ты давай выздоравливай!

Ее упоминание о покойниках заставило меня вздрогнуть. Интересно, вампиры икают, когда о них вспоминают? Я взволнованно потерла ладони. Когда Макс думает обо мне, что я должна испытывать?

В дверь позвонили. Маркелова с готовностью побежала в прихожую — ее саму начал тяготить наш разговор.

Мой гость ее заметно обрадовал. Она пришла не зря. Чего искала, того и добилась.

— Кажется, говорили обо мне. — Макс в черном свитере под горло, в черных элегантных брюках дудочкой и тонких черных перчатках легко перешагнул порог, неся большую сумку.

Он и правда решил меня багажом отправить в Москву?

Я услышала, как Лерка недовольно проворчала: «Кое-кого помянешь, он и появится».

— Не поминай имя дьявола к вечеру, когда силы зла выходят на свободу. — Макс очень хорошо услышал, что сказала Маркелова.

Лерка бросила на него быстрый взгляд. В нем было все — и удивление, и раздражение. А главное — радость. Радость встречи. Эх, пересекусь я еще с Леркой на узенькой дорожке, все космы пообрываю!

— Уезжаешь? — Маркелова наконец перестала пялиться на Макса и взглянула на сумку.

Я подняла глаза на любимого. Всегда приятно наблюдать, как люди выкручиваются из довольно сложной ситуации.

— Да, мы решили с Машей куда-нибудь съездить отдохнуть.

Не попал. Я месяц назад вернулась из Египта.

— Но она болеет, — закономерно удивилась Лерка.

Макс посмотрел на меня. В ответ я улыбнулась. Наша игра взглядов была великолепна.

— А ты, Маркелова, хочешь вместо меня поехать? — не выдержала я первая.

Лерка скользнула по мне взглядом, затем, на несколько секунд дольше, чем надо, задержала его на Максе и вышла. «Один ноль» в ее пользу.

— Эй, а Мельника вашего где искать? — ринулась я следом.

— У Колосова спроси, — донеслось до меня сквозь быстро удаляющийся топот.

— Мельник? — вопросительно посмотрел на меня Макс, когда я вернулась в квартиру.

— А ты у Маркеловой поинтересуйся, — ехидно отозвалась я. — Догони и спроси. Вот рада будет... Далеко собрался? — кивнула я на сумку. Никогда не видела, чтобы Макс путешествовал с вещами.

— Уезжаешь ты, — произнес он голосом, не допускающим возражений.

— Опять был в Москве? — После прогулки за дверь мне стало зябко, поэтому я с удовольствием закуталась в одеяло, дотащившись до кровати.

— Это уже не нужно. — Макс внес сумку в комнату, свистнул, открывая, молнией, распахнул ее голодный зев, опустил на пол около кровати и начал медленно, по пальчику, снимать перчатки. — Собирай вещи.

— От кого бежим? — Я сильнее поджала под себя ноги. На ближайшее время у меня были другие планы.

— Ты едешь в Москву, встречаешься с Олегом и договариваешься, чтобы Смотрители тебя освободили.

— А ты представляешь, что будет, как только я появлюсь в Москве? — Я еще пыталась улыбаться. Пожалуй, я бы простила Максу его странные разговоры с Маркеловой, но только не желание отправить меня в столицу. — Да они румбу танцевать от восторга начнут, едва я у них окажусь! Я же для них враг более страшный, чем ты.

— Список танцев вы утвердите с ними потом. — На мои шутки Макс не реагировал. — Ты

им поставишь условие: они освобождают тебя в обмен на Катрин.

— Ты что, с ума сошел? — Я невольно выпрямилась. Может, от перенапряжения у него и правда что-то с головой произошло? Минут пять не подышал, кислорода не хватило — вот вам и необратимый процесс.

— Если ты не сделаешь это первая, Катрин тебя опередит.

— В смысле?

— Спасая свою шкуру, Катрин сдаст тебя Смотрителям.

Голова опять начала болеть. Я сжала виски пальцами, пытаясь остановить бешеный ток крови. В ушах зашумело, в темени родилась тупая беспрестанная боль — точно кто-то надавил на него мягкой, но сильной лапкой. Во рту пересохло, по телу разлилась знакомая томная слабость, от которой сразу захотелось зевать. В глаза крадущейся походкой забралась резь — словно я очень долго смотрела на лампочку.

— Где она сейчас? — Странно, что я еще могла связно говорить. Тяжесть в голове не давала ни на чем сосредоточиться.

— Сначала скрывалась, боялась, что ею займется сам Эдгар. Они разговаривали. Эдгар сказал, что больше не будет ей покровительствовать. Теперь она мечется между своими и чужими.

Макс сел передо мной на корточки, взял за плечи. И сквозь его прохладные руки моя боль стала потихоньку уходить. Только жилка на виске все еще болезненно пульсировала.

— Нельзя тянуть. Смотрители доведут тебя до такого состояния, что тебя уже ничто не спасет. А с Катрин мы разберемся потом. Пойми, рано или поздно она осуществит такой вариант обмена — твоя жизнь в обмен на ее.

Долгое мгновение я обдумывала странное заявление Макса. Мне так и виделось, как мы наперегонки с Катрин несемся к столбику в чистом поле. Кто первый коснется заветной метки, тот и победил. По факту Катрин бегает быстрее. А теперь делайте ставки, господа!

— Кому она должна ставить условие? — хрипло поинтересовалась я. Не верилось, что Катрин примчится в Москву, отправится в штаб-квартиру Смотрителей и начнет выдвигать им ультиматумы. Типа вы меня сейчас не убьете, но зато завтра я привезу вам десять баранов, шесть отрезов ситца и холодильник. Нет, два холодильника. В одном холодильнике буду лежать я, во втором — моя тень.

— Маша! Я не понимаю, что тут думать?

Макс теребил меня, пытался заставить начать что-то делать. Но в теле вдруг появилась такая лень, что я не то что начинать собираться, но даже думать ни о чем не могла.

— А ты? — Какая-то мысль противным комаром вилась в моем мозгу, но ухватить ее никак не удавалось.

— Я буду тебя ждать. — В его голосе была сама убежденность.

— Врать нехорошо... — покачала я головой.

— Маша! — Наверное, если бы Макс мог, он бы в этот момент взвыл, с яростью стукнул кулаком по стене — что там еще делают в таких слу-

чаях? Но он только чуть повысил голос. — Позволь мне тебе помочь! Один раз. Доверься мне. Попробуй подумать не о Катрин, а о себе. Что ты обо всех беспокоишься?

— Надо же чем-то в жизни заниматься, — пробормотала я и вдруг совершенно некстати в памяти всплыла поговорка: «Перемелется — мука будет». Действительно, все ведь в конце концов закончится. Может, стоит просто немного подождать?

— Я не для того искал тебя, чтобы вот так вдруг потерять, — упрямо гнул свою линию Макс. — Это тебя спасет.

— Меня спасет Красная книга.

Как же приятно запустить пальцы в его мягкие податливые волосы... Через меня словно электрический ток удовольствия прошел — так мне было хорошо. Почему считается, что высшая точка наслаждения — физическая близость? Быть рядом, видеть, касаться, чувствовать на своей коже легкое дыхание любимого, иметь возможность каждую секунду, каждое мгновение ощущать, что рядом твое второе «я», твоя кожа, твоя надежная стена — вот оно, истинное счастье!

Макс осторожно взял меня за запястья, разводя руки в сторону. Взгляд его застыл. Зрачок становился то больше, то меньше. Неужели он так за меня волнуется? Не я за него, что было бы понятно. Макс для меня вся жизнь. А он — за меня. Зрачок собрался в булавочную головку, но в этой крошечной капле было силы, как в небесном карлике, — мегатонны, способные снести на своем пути все, чтобы дать мне возможность пройти.

Я сначала склонилась к нему, а потом сообразила, что целоваться нам будет неудобно. Но Макс сам подался вперед, подминая меня на кровати. Поцелуй путал мысли, вливая незнакомую еще истому в мое больное тело и голову.

— Мы с тобой обязательно уедем. Куда скажешь, — бормотала я расслабленно. — Хочешь, в Карелию, там скоро будет полярная ночь. Можно в Скандинавию, там холодные ветра и фьорды. Еще есть Норвегия, где ловят рыбу. Сахалин, где сталкивается море с океаном. А в Оймяконе самые холодные в нашей стране зимы. Мы все можем. Встанем и исчезнем. И нас никто-никто не найдет. Никогда...

Я уже не понимала, что говорю.

— Да, да, — в тон мне соглашался Макс, — уедем. Все бросим и забудем. Не было ничего, не было! Все разрешится без нас, само. Только сделай так, как я прошу, и мы уедем.

Я замолчала. Мы уже стали повторяться. И кто, скажите на милость, из нас двоих болен?

— Белла сегодня грызла газету, — сменила я тему. Макс не шевельнулся. — Два раза грызла, причем одно и то же место. Ты ведь сам говорил, что надо быть внимательным к деталям, вот я и попробовала. Нам не нужно ехать в Москву, не надо, чтобы Смотрители вместе с Катрин захватили еще и тебя. Нам нужен колдун.

Взгляд у Макса был такой, словно он на расстоянии пытался определить, насколько высока у меня температура.

— Как-то ты признался, что наша земля очень интересная, что здесь есть своя, природ-

ная сила. А кто, как не колдун, лучше всего знает приметы и обычаи? Он лучше любого Смотрителя построит аркан и разрушит его. Кого-то дар приводит в Смотрители, а кого-то...

— В колдуны? — закончил фразу за меня Макс. — Но с чего ты взяла, что...

— Газета, — перебила я его. — И крыса. Надо только найти настоящего.

— Мельник?

— Может быть. Я искала объявления, и Белла два раза грызла его в одном и том же месте. Не знаю, как у вас там в Германии, но у нас в крайних случаях всегда обращаются к колдунам и знахаркам.

Макс наградил меня таким взглядом, как будто «у них там» до такой дичи не опускаются.

— Можно хотя бы попробовать, — прошептала я. Как переубедить самого бесстрастного человека на свете? Может, заплакать?

— Unglaublich! Was für eine Dummheit![1]

— Понимаешь, я чувствую, что здесь что-то есть, — пропустила я мимо ушей его немецкое ворчание. — Бывают такие совпадения: ты только подумал, а другой человек об этом уже говорит.

Макс еще посидел без движения, а потом как бы отмер, мотнул головой, словно прогоняя наваждение.

— Чего ты боишься? — прошептала я. Его быстрое дыхание щекотало мне щеку. — Я не хочу, чтобы ты снова рисковал.

---

[1] Невероятно! Глупость какая! *(нем.)*

Макс поднялся, пересек комнату. Его длинными ногами она проходилась в пять легких шагов. Постоял около окна. Заговорил тихо:

— Порой я думаю, что мы обязаны были встретиться, чтобы друг друга научить любить. Нет, даже не так. Чтобы ты рассказала мне о том, что такое любовь. Мне никогда не догнать тебя, но я буду стараться. Просто позволяй мне время от времени тоже для тебя что-то делать. А то получается нечестно. Ты для меня все, а я...

— Ты тоже — все! — заторопилась я. Как же ему лучше сказать, что моя помощь всего лишь капля в море того, что дает мне он? Я только создаю трудности. Ему же приходится меня все время из них вытаскивать.

— А почему Мельник? — Макс резко отвернулся от окна, прерывая мой порыв нежности.

— Не знаю, — пожала я плечами. — К нечисти ближе. Мельники всегда на отшибе жили, с лешими враждовали. Мельница от природы зависела — от ветра или от воды, а у природы свои начальники были. Чтобы быть хорошим мельником, надо все про них знать и уметь бороться. Вот и выходит, что лучшего имени для колдуна нет. Но были еще кузнецы, — вспомнила я гоголевского Вакулу.

— Складно. — Макс сунул руки в карманы. — Я постараюсь его найти. Но если это будет ошибкой, мы потеряем много времени.

— Кто бы говорил! — отмахнулась я. Очень уж не хотелось ехать в Москву. Добрыми воспоминаниями меня этот город не наградил.

— Тогда я ненадолго тебя оставлю, — медленно произнес Макс. Правая рука шевельнулась, выбираясь из кармана. Между белых пальцев мелькнула черная коробочка.

Движения его были неспешные, так что я успела вообразить, что он принес обручальное кольцо, и в следующую минуту упадет на колено и будет официально просить у меня руки и сердца. Но футляр черного плюша оказался слишком продолговат для кольца. Я мысленно перевела дух — все-таки голливудское кино набило мою голову достаточным количеством типичных ситуаций: по закону кинематографического жанра, сейчас должно было прозвучать предложение. Но мы с Максом играли в другую игру. Что ж, может, и хорошо.

— Возьми, пожалуйста. Пусть эта вещица будет знаком моего внимания к тебе. — На тонком пальце повисла широкого плетения цепочка, на которой чуть подрагивал крестик, усыпанный темно-красными, как будто спящими камнями. Покачиваясь, крестик повернулся к умирающему солнцу, и тут же внутри каждого камешка, где-то глубоко под поверхностью, загорелись очаровательные густо-красные искры. — Пускай всегда будет с тобой. Как частичка меня. Когда меня не будет, он тебя защитит.

Прозвучало многозначительно. Если учесть, что это был все-таки крестик, то кто конкретно должен меня защищать в отсутствие любимого?

Я замешкалась, растерявшись такому неожиданному подарку.

— Тебе что-то не нравится? — Макс не понимал моей заминки.

— Извини, — я не знала, куда деть свои руки, — я не помню, как там по нормам этикета... Девушка имеет право принимать от молодого человека столь дорогие подарки? Или нет?

— От молодого человека — нет, — с ударением на слове «человека» произнес Макс. — А от меня...

— А от тебя тем более, — попыталась я сбить торжественный тон момента. — Поэтому я беру. Спасибо!

— Это тебе спасибо, — прошептал Макс, осторожно опуская крестик мне в ладонь. — Я думал, кое-что никогда не оживет. Ты многому даешь вторую жизнь. И не только моему сердцу.

Я потупилась. Тяжелый крестик давил на ладонь. К такому подарку придется пересмотреть весь мой гардероб. Не наденешь же к нему джинсы или старый свитер. Как только выздоровею, обязательно пойду в магазин.

Макс легко коснулся губами моего лба.

— Где будешь меня ждать — здесь или в мастерской?

Я представила сумрачную атмосферу мастерской и замотала головой.

— Здесь. — И запоздало догадалась. — А разве сегодня я тоже могу остаться у тебя?

— И сегодня, и завтра, — категорично ответил Макс. — Я тебя теперь ни на секунду не отпущу. Разлука для любви, конечно, полезна, но не в нашем случае.

Улыбка сама поползла по моим губам. Я по-

пыталась ее сдержать, но — бесполезно. Я была счастлива и не хотела свое счастье скрывать.

— Кстати, можешь у Колосова спросить про Мельника. Он его вроде как уже нашел, — подсказала я.

Макс бросил на меня прощальный взгляд и исчез за дверью. Щелкнул, закрываясь, замок.

Ушел...

Я чувствовала это по тому, что сердце медленно успокаивалось, глубже и размеренней становилось дыхание. Я совершенно не стыдилась своего счастья, потому что оно, в конце концов, должно было меня посетить. Это было правильно. Это было хорошо.

С удовольствием откинулась на подушку, почувствовала ее прохладу, и снова улыбка поползла по губам. Я, может быть, и засмеялась бы, если бы у меня хватило сил.

Но все же легкий смешок из груди вырвался. Вдруг захотелось кричать, визжать, бегать, размахивать руками.

Я перевернулась на бок, закрыла глаза, прислушалась к вновь зачастившему сердцу. Оно тоже было со мной согласно, тоже радовалось моему счастью. Дышать стало тяжело, грудь ширилась от восторга.

Но вот по телу пробежала легкая дрожь. Что-то не то. Задержала дыхание, прислушиваясь к себе. Что-то хорошо знакомое, но давно забытое.. .

Звонок в дверь заставил крутануться на кровати. Подушка упала на пол.

— Макс!

Я еще пыталась бодриться. Он что-то забыл? Хочет убедиться, что я надела крестик?

Выскользнув в коридор, я на ходу непослушными пальцами старалась подцепить сложный замок на цепочке.

Снова позвонили. Осторожно. Нерешительно.

С чего вдруг он стал таким робким?

Руки дрожали. Цепочка не прикреплялась. Я придержала ее пальцами.

От волнения я налетела на дверь, дернула ее, распахнула, готовая улыбнуться, обнять, поцеловать...

Коридор за дверью был пуст.

Руки опустились. Я чуть не выронила цепочку. В душе еще жила недавняя радость, не пускала замерший на пороге страх.

Мне только показалось... Конечно! Мне в последнее время многое кажется. Я жду звонка, жду, что Макс придет, вот и придумала сейчас его возвращение.

Захлопнула дверь, защелкнула замок.

Посмотрела на свернувшийся клубком в ладони крестик. У меня теперь есть талисман, защита. Ничего страшного не произойдет.

Я медленно вернулась в комнату, продолжая уверять себя, что все в порядке, но уже чувствовала, что убеждаю пустоту. Все, что должно было случиться, — произошло.

Дальше порога я не пошла. Прислонилась плечом к дверному косяку, тупо уставилась в пол. Убегая, я уронила подушку. Я еще помнила, как она мягко задела по ноге. Сейчас на полу ничего не было. Подушка исчезла.

Глава VII

ВЫБОР

В голове бухало, как будто сердце сорвалось со своего места и пытается пробиться наверх. Если бы не плотно сжатые челюсти, наверняка выскочило бы. Запоздало догнало ощущение беды, захотелось вернуться назад, взять Макса за руку, чтобы он никуда не уходил.

— А ты изменилась... — Темная фигура скользнула вдоль стены, встала в проеме окна. — Побледнела. Похудела. От тебя стало пахнуть... смертью.

Жаль, я не могла вернуть комплимент — в сумерках мне не удавалось ничего толком рассмотреть. Вампиры прирожденные штирлицы, обожают стоять против света.

— Ты тоже ничего, — буркнула я, поднимая руки. — Не слышала, чтобы ты просила разрешения войти.

Я хлопнула, заставляя лампу на столе ожить, зажмурилась, пережидая момент, когда глаза привыкнут к свету. Тревога накатила ураганом. Я прижалась к стене, глядя туда, где только что стояла незваная гостья.

— Тук-тук-тук, — раздалось из коридора. — Можно войти?

Пустое окно смотрело на меня набухающей темнотой.

— Нельзя! — захлопнула я дверь. — Визиты для меня сейчас противопоказаны. И нервничать вредно.

— Ну, почему же? — шепоток коснулся моего затылка. Я успела обернуться, чтобы уловить движение пушистых рыжих волос. Она и правда перекрасилась. — Подружки не должны так друг с другом поступать.

Воздух в комнате словно заморозили. Я остановилась, поняв, что бегать за Катрин бесполезно. Не догоню. Ей надо, вот пускай сама и проявляется.

— Я говорила, что твоя квартирка очень даже мила? — Катрин, манерно изогнувшись, застыла возле двери.

— Не говорила.

Катрин улыбалась. Из всех вампиров улыбка ей удавалась лучше всех. Смотреть на нее было противно. Я отвернулась. Где-то у меня лежал мобильный телефон. В последний раз я говорила по нему предыдущей ночью с Олегом. Прошлую ночь я провела у Макса, взять с собой телефон не успела. Значит, он должен лежать в кровати.

Под одеялом его не было, в постели не прятался, в покрывало не завернулся.

— Ну, прости меня, пожалуйста! — Катрин шла за мной по пятам, повторяя все мои движения, пыталась заглянуть в глаза. — Но я ведь не нарочно, ты же понимаешь. Так получилось.

Она меня уговаривала, словно в наших делах могли помочь уговоры.

— Меня заставили, — нежно шептала вампирша. — Эдгар был против тебя. Ну, ты знаешь. А потом они сами явились. Я не хотела тебя расстраивать. А так бы ты уже днем об их приезде знала, и праздник был бы испорчен.

А то он потом оказался не испорчен!

Я уже давно сидела и в упор смотрела на незваную гостью, которая, как известно, хуже татарина. У нее были глубокие красивые глаза, изящный овал лица, маленький носик, матовая, словно светящаяся изнутри кожа. В ее внимательном взгляде читалось сочувствие и ожидание: прощу — не прощу? Я отвернулась, и Катрин тут же оказалась с другой стороны, снова заглянула в глаза.

— Ты же умница и все понимаешь, — быстро зашептала она, склоняясь совсем близко, так что я начала чувствовать исходящий от нее холод. — Конечно, всегда есть выбор, но тогда его не было. Совсем не было. Думаешь, я не понимала, что делаю плохо? Понимала. Любовь — это прекрасно! Вы даже не представляете, как красиво вместе смотритесь. Если бы не непреодолимые препятствия, вы были бы исключительной парой. Просто замечательной. Вы и есть — пара. И вместе вы через все пройдете. Вас ничто не остановит. Вы такие сильные, уверенные. И что на меня злиться? Все закончилось, и как будто ничего не было. А вы теперь — куда угодно. Эдгар согласен. У тебя все успокоилось. Я помогу тебе уехать!

Она бормотала какие-то странные отрывистые фразы, но я ее больше не слушала. А еще говорят, что у вампиров хорошая память. Катрин, видно, забыла, что на меня подобные «уговоры» не действуют. Может не тратиться на слова, не сверлить меня взглядом. Лоб расшибет.

Что-то я искала? Ах, да, сотовый. Он мог упасть.

Я заглянула под кровать. И точно. Трубка лежала на полу. За долгие часы расставания успела даже пылью покрыться.

Телефон привычным зверьком нырнул в ладонь. На попытку реанимации аппарат пискнул, сообщая, что не мешало бы верных слуг время от времени подкармливать — аккумулятор сел.

— Да, да, — невпопад кивнула я все еще убеждающей меня Катрин. — Знаешь, я устала. И Макс скоро придет.

— Так ведь и хорошо! — с неубиваемым азартом завелась по новой вампирша.

Я посмотрела на нее. Какая она сейчас милая. Приобнимает меня за плечи, гладит по руке, улыбается. Можно поспорить: что бы я сейчас ей ни сказала, она со всем согласится.

Сотовый чирикнул, показывая, что питание пошло. Я немного подождала, пока он не подзаправится, и нажала кнопку включения.

— И я думаю, что мы сможем... — пела соловьем Катрин.

В телефонной книге я нашла Олега, послала номер на вызов.

Как, оказывается, легко быть доброй и сентиментальной, сидя в теплой комнате, в кресле под пледом. И как стремительно все это улетучивается, стоит тебе оказаться один на один с существом, желающим тебе зла.

— Что ты делаешь?

У нее был красивый, приятный голос, завораживающий. Так и хотелось слушать ее долго-

долго. Но — в другой раз. Если он, конечно, случится, пресловутый другой раз.

— Что там у тебя?

Катрин даже не пришлось отнимать у меня телефон, чтобы посмотреть на экран. Я не пряталась. В наших отношениях все было понятно и без слов.

— Кому ты звонишь? — Светлые глаза вдруг взорвались изнутри чернотой, словно осьминожьи чернила излились из зрачка и заполнили весь глаз. И вот уже милое лицо стало злым, секунду назад трогательно-беззащитные черты лица заострились.

— Тебя ищут мои друзья. — Я постаралась улыбнуться. — Надо сказать им, что ты в городе.

Маленький телефончик на экране сотового подпрыгивал, передавая сигнал. Рядом с ним мерцало слово «ОЛЕГ». С телефончика соскочила трубка — сигнал прошел, зазвучали звонки соединения.

Даже по моим меркам Катрин соображала слишком медленно. Долгие несколько секунд она сидела, опустив глаза. Зато отследить следующее ее движение я не успела. Она схватила телефон и шарахнула им об стенку. Эх, жаль, что ударила она не о противоположную стену, где трубку мог спасти шнур зарядного устройства, а о ближайшую. С хрустом отлетела крышечка.

У меня вырвался вздох. Больной скорее мертв, чем жив.

— Твои друзья ждут тебя! — прошипела она.

Макс был прав — Катрин тоже пришла в голову идея с обменом. Но он оказался быстрее, подумал об этом первый. Как всегда — умница. Вот только кого на кого вампирша собралась менять? И ее, и меня в Москве примут с распростертыми объятиями. Ее — чтобы убить, меня — чтобы... Кстати, а зачем я там нужна? Заменить Ирину? Она выступала в роли палача, я вроде тоже саблей размахивать умею. Неужели думают, что я... Жуть какая!

— Ничего у тебя не получится, — вздохнула я, подбирая остатки сотового. Мне его было жалко. Очень. Я к нему привыкла как к собственному отражению в зеркале. Вот возьму и пожалуюсь Максу, будет негодяйка еще и от него бегать. Все ботинки стопчет.

Катрин метала на меня яростные взгляды, словно огнедышащий дракон, которому зачем-то сказали, что произошел он не от Змея Горыныча, а от ящерицы зеленой.

Где-то у меня был скотч. Может, сотовый все-таки можно спасти?

— Твой Олег приедет! Но приедет не за мной! А за тобой! — шипела Катрин. Лицо ее потемнело, превратившись в маску злобы. — Мне плевать на ваши игры. Есть желание совать свою голову под топор — vorwärts! Aber etwas schneller![1] Я справлюсь! Потом все скажут: а что такого произошло? Ничего не произошло. Уже через неделю об этом забудут. Я им принесу тебя, и обо мне больше никто не вспомнит. Подумаешь, Эдгар! Старикан, выживший из ума. Никому он уже не страшен. Я решу любую проблему!

---

[1] Вперед! Да побыстрее! *(нем.)*

Кажется, Катрин сама убеждает себя. Да пожалуйста! Никто ей не мешает. Только делала бы она это в другом месте, а то от ее присутствия мне все время холодно. Я же пока занялась пострадавшим телефоном — связь с внешним миром иногда бывает необходима. Разложила перед собой корпус, крышечку, аккумулятор, симкарту. Мой телефон ранен смертельно. Но чтобы жить дальше, порой надо умереть. Такова истина нового дня. А теперь пора моему телефону восстать из могилы.

— Маленькие неприятности? У кого их не бывает? Сколько таких было! — быстро говорила Катрин, расхаживая по комнате. На меня она не смотрела. В ее монологе собеседник был не нужен. — Меня однажды пытались сжечь. Ха-ха! — Она запрокинула голову, разразившись ненатуральным смехом. — Конец девятнадцатого века, Швейцария, Лозанна, а эти дураки все еще верили в ведьм и колдунов! Ах, какой был город! Столько богачей туда съезжалось, мне было где развернуться. Ну, подумаешь, в одной гостинице в течение недели из окон номеров выпали три человека. Трагические совпадения! Любовались видом, поскользнулись... Так удобно! Когда тело в крови, никто не обратит внимания на небольшие ранки на шее. А деньги... Что за ерунда? Нужно же мне было на что-то жить! Но олухи-швейцарцы плохо поддаются гипнозу, помнят только правила, никакого воображения. И ты представляешь, какая-то горничная начала вопить, что я ведьма. Меня реально собирались сжечь! Хорошо, кто-то догадался вызвать жандармерию. Дичь какая-то: чуть что — сразу жечь. А войны? Вот когда был рай! Почему сейчас не устраивают таких масштабных заварушек? Приходится прятаться, выворачиваться. А что я такого сделала? Пыталась убить человека! Ну, так ведь не убила! — Мне показалось, что ей просто хотелось выговориться. — И вдруг все против меня. Он, — неопределенный жест в сторону окна, — все, что угодно. А я .. — нежно прижатые к груди руки. — И сразу травля! В отличие от некоторых, у меня хотя бы оригинальный подход. Не могу же я повторять за каким-то мальчишкой! А что? — Катрин крутанулась на месте. — Вот возьму и влюблюсь в какого-нибудь человечка, буду всюду таскать его с собой. Очень удобно. Всегда есть с кем поболтать, и еда под рукой. — Она скривилась. — Нет, играть с едой нехорошо.

Скотч сотворил чудо. Телефон не только стал похож сам на себя, он еще и продолжил заряжаться. Но что я хочу от него получить? Я нажала на кнопку включения. Сотовый пропиликал, поймав сеть. Вместе с появившейся на экране елочкой во мне снова проснулась тревога. Ощущение неприятное: что-то должно произойти. Или уже происходит? И это не касалось Катрин. Собственно, что она может сделать? Ну, побегает, побесится. Убьет меня? Вряд ли. Потащит с собой в Москву? Она, конечно, сильная, но волочить меня полторы тысячи километров ей не под силу. Не устанет, так надоест. И опять же, не стоит забывать про Макса. Догонит, отнимет. А я всю дорогу буду кричать: «Не-

сет меня лиса за темные леса, за высокие горы! Кот и Петух, спасите меня...»

Нет, Катрин меня совсем не пугала. Но в воздухе словно поменялся химический состав. Птицы затихают перед грозой, кошки прячутся перед землетрясением, собаки поджимают хвосты, ожидая возвращения разъяренного хозяина. Причем происходило это не вокруг меня, а — со мной. Только не здесь. В другом месте. Кто-то как будто протягивал руку и запускал ее мне в душу. И сердце начинало возмущенно скрестись по ребрам — ему не оставалось места, оно так старалось быть незаметным, и ему даже незаметности не оставляли...

Катрин замерла, широко распахнутыми глазами посмотрела в окно. Она тоже это ощущает? Значит, это происходит не только со мной? Я сжала в кулаке телефон, опустилась на кровать.

От подоконника Катрин метнулась ко мне.

Дышать стало нечем.

Вампирша быстро окинула меня взглядом, словно проверяла полную комплектацию — руки, ноги, голова, уши, нос, родимое пятно на плече.

— Этого только не хватало! — прошипела вампирша.

Мое тело взорвалось болью, и я потеряла сознание...

— Где ты, где ты? Ну, где ты? — надрывалась у меня над головой птичка. — Где ты, где ты? — с тоской спрашивала она меня.

— Здесь, — хотела ответить я и прогнать занудную. Мешает человеку спать... Но голоса не было. Горло было чем-то забито, я не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Потом пришел холод — палач с тонкими иголками, которыми он нещадно колол меня. Я только никак не могла понять, откуда в моей комнате птицы. До двенадцатого этажа они редко когда долетали.

А занудная песня продолжала звучать, требовать от меня вернуться к жизни.

Потом я поняла, что у меня какая-то странная поза. Если я дома на кровати, то почему в бок мне что-то упирается? Почему мне холодно, куда делось одеяло? И почему над головой так глухо что-то ухает, рождая ощущение отсутствия потолка.

«Вот так и живем без крыши», — грустно заметило сознание, и в голове моей случился маленький сумбур, потому что надо было как-то срочно соединить то, в чем я еще секунду назад была убеждена, с тем, что медленно на меня наваливалось. С действительностью.

Потолка не было. Не было стен, пола и кровати. Я лежала на земле. В кулаке у меня был зажат сотовый телефон. Он и издавал странные звуки, похожие на последний писк умирающей канарейки — от удара у него что-то стало с микрофоном. Причем экран не загорался, поэтому в темноте я не могла определить, кто звонит.

На кнопку я нажимала тоже на ощупь.

— Гурьева, знаешь, кто ты? — ворвался в мое взбаламученное сознание голос Колосова.

— Знаю. — Я с трудом смогла прокашляться, чтобы ему ответить.

— А если знаешь, то какого черта ты устраиваешь такое? — завопил он. — Где ты? Я этого идиота убью когда-нибудь! Говори, ты где?

«А он вырос, — отметила я. — Здорово вырос. Еще совсем недавно таким не был. Прыгал, бегал, размахивал саблей, изображал из себя героя. А теперь... Теперь он другой».

— Не знаю, — выдавила я и попробовала оглянуться. Но с шеей от долгой неудобной позы что-то произошло, она не шевелилась.

— Зато я знаю! — надрывался Пашка, отвечая на какие-то свои мысли. — Куда тебя унесло? Ты же болеешь!

— Меня унесли. — Вокруг был лес. Вечерний сумрак скрадывал ближайшие деревья, остальное тонуло в темноте. — Куда-то, — добавила я, пытаясь вспомнить, как здесь оказалась. Память ускользала, оставляя только цветовые пятна. Что-то рыжее. И белое.

— Куда унесли? — взвыл Колосов. — Где ты? — повторил он вопрос птички.

Темнота вокруг наступила, прижала меня к земле. Я начала медленно приходить в себя.

— Ой... — вырвалось из горла. Страх взорвался изнутри противными газированными пузырьками. Руки были влажные, джинсы промокли, блузка перепачкана в земле.

— Что с тобой? — Мне так и виделось, как Пашка нахмурился, чуть склонившсь вперед.

— Я... я в парке.

Я узнала место. Пригорок, березки, дорожки — одна идет прямо, мимо речки к озеру, от нее отделяется вторая, узенькая — она будет петлять между деревьев до далекой автострады. Я сижу аккуратно между ними. Как настоящий рыцарь на распутье. Но от рыцаря меня отличало одно весьма существенное обстоятельство — я была босиком, и от холода не чувствовала своих ног.

Яркая картинка мгновенно вспыхнула в мозгу и погасла, но я уже все вспомнила. И завизжала. Мне показалось, что сзади ко мне кто-то подкрадывается.

— Гурьева! — неслось из телефона сквозь умирающий сигнал, разряженного аккумулятора, извещавшего, что аппарат вот-вот выключится. — В каком парке? В нашем? Где? Ты одна? Никуда не уходи!

Я открывала рот, чтобы сказать, чтобы предупредить: приходить ко мне не надо! Это все Катрин. Она опять что-то задумала. Украла меня из дома и принесла в парк не просто так. Но горло словно сдавило. Я не могла ни вдохнуть, ни сказать что-нибудь.

Трубка снова пискнула. Я отвела ее от уха, вгляделась в темный экран. Сколько времени? Чего так всполошился Пашка? Разве сегодня — уже не сегодня?

— Какой сегодня день?

— Ты где? — рявкнул Колосов, и сотовый замолчал.

Я сжала трубку в кулаке. Хрустнула, сдвигаясь, крышка. Аппаратик был сейчас похож на серенькую раздавленную птичку. Да я и сама была такой птичкой.

Попыталась встать. В бедре проснулась боль,

как будто меня то ли ударили, то ли уронили боком на что-то жесткое.

Надо будет сказать Катрин, чтобы в следующий раз при транспортировке нежнее со мной обращалась. На упаковочной таре всегда ведь написано «не кантовать, хрупкий предмет». Для особо талантливых еще и рюмочка нарисована. Разбиться же могу!

На четвереньках я подобралась к березе. Держась за нее, встала на ноги. Холод провел новую инспекцию моего организма, нашел незащищенные места и накинулся на них с удвоенной силой. Я особенно и не скрывалась.

Лес смотрел на меня с любопытством. А я на него. По большому счету Катрин терять нечего. Когда тебя приглашают на последнюю прогулку к гильотине, выбора не остается, дорожка одна — только прямо. Поэтому церемониться со мной ей уже было не обязательно. Единственное что — не стоило убивать. Мой труп ее бы не спас. А вот укусить она меня вполне могла, подзаправиться перед дальней дорогой, лишние силы никогда не повредят. А еще можно было сделать иначе, по принципу — «или — или». Укусить меня и отправиться к Смотрителям с условием: если они прекращают на нее охоту, то она мне вводит спасительную сыворотку (вдруг такая имеется), если нет — то я превращаюсь в вампира, и Смотрители меня по-любому теряют. Интересно, из бывшего Смотрителя хороший вампир получается или так себе?

Меня затрясло, и, чтобы не упасть, я обнялась с березкой.

«Тише, тише», — зашептал в моем мозгу голос. Все могло быть и по-другому. Бежала Катрин от моего дома через парк в бор дремучий, и зачесалось у нее в носу. Чихнула она и не заметила, как уронила свою ношу. Или вот еще вариант. Бежала все та же Катрин от моего дома через парк в бор дремучий, и напали на нее враги. Стала она от них отбиваться, положила меня в сторонке, чтобы я не пострадала, да в пылу сражения и позабыла.

Второй вариант мне нравился больше, потому что там меня положили, а в первом бросили. Черт, как нога-то болит!

Я крепче прижалась к дереву. Оглянулась и неожиданно четко увидела окружающий меня парк. Слишком четко. В нормальной жизни я так никогда не вижу. Снова стало нечем дышать. Я застонала, понимая, что произошло самое страшное — я доигралась. И тысячу раз прав был Лео, когда говорил, что ни к чему хорошему наша с Максом любовь не приведет. Он вампир, и это уже навсегда.

«Дура», — услужливо подсказало мне сознание. Ну да, пришлось согласиться, дура и есть. На что я рассчитывала, жалея Катрин? Не просто так я вдруг стала четко и ясно видеть и ближайшую лещину, и посеревший снег, и провалившийся сугроб, и сухую былинку чертополоха, и березу, около которой стою. Слишком четко и ясно. Не так я все это видела в тот вечер, когда Макс объяснял мне, кто я такая, кто он такой.

На дорожке показался человек. Он медленно брел из глубины парка. Издалека в темноте

он чем-то смахивал на лесничего. Невысокий, сутулый, в большой лохматой шапке, светлый тулуп ярким пятном выделятся на фоне деревьев. Борода. Ее вид заставил меня замереть и перестать бояться. Никогда я не встречала людей с такими бородами. Она была длинная, густая, всклокоченная, словно человек зол, и топорщившаяся борода передавала его настроение. Шел он медленно, ему как будто было тяжело переставлять ноги. Шел, к чему-то прислушиваясь. Когда старик поравнялся с моей березой, я заметила, что глаза его закрыты. Или так глубоко спрятаны под кустистыми бровями, что их не видно. Пахнуло кислятиной.

«Я сплю» — другого объяснения не находилось. Иначе откуда здесь взялся персонаж из народных сказок?

Старик прошел дальше. Было слышно, как шаркают его ботинки.

Шаг, второй, третий... Я затаила дыхание. Почему-то очень хотелось, чтобы старик меня не заметил. Моя мечта почти осуществилась. Но вот шарканье прервалось, старик начал поворачиваться.

— Здравствуй, девонька, — удивительно молодым голосом произнес он.

По ногам электрическим током пробежала боль — от холода их свело, и я рухнула на пригорок. Подняла голову. На дорожке никого не было, и я, вместо того чтобы бежать к выходу из парка, бросилась к деревьям. Завязла. Боль сковала ноги, и я снова упала. И сразу же окружающее потеряло четкость. Вокруг — темнота и тишина, деревья слились в одну сплошную стену.

Парк был пуст. Ни любителей ночных прогулок, ни собачников, ни влюбленных. Здесь ничего не говорило, не жило, не двигалось. Он был мертв, и все больше и больше сдавался под натиском заселившейся хозяйки Смерти. Надо выбираться отсюда как можно быстрее, пока и меня не засосало в это царство мертвых.

Время остановилось. Я пыталась идти, но деревья кружили вокруг, холод сковывал, хотелось спать. А еще хотелось почувствовать под руками шероховатую поверхность березы. Всем же известно — дуб и береза силу дают, осина забирает.

Я встала, пошла, споткнулась. Что-то качнулось на моей шее. В панике решила, что уже начинаю разваливаться. Нечто холодное скользнуло по ключице. Кровь? Пальцы свело холодом, но я почувствовала ускользающий металл. Крестик. От Макса. Позвать его? А если это ловушка? Нет, не буду его звать!

Действительность перестала крутиться, парк успокоился, я с облегчением вздохнула. Послышались далекие автомобильные сигналы, слабый ветер шуршал голыми ветками, вдалеке мелькнул свет и исчез — там проехали на велосипеде с фонариком. Береза стояла всего в двух шагах от меня, и я с облегчением добрела до нее. Водила ладонью по шершавому стволу, не чувствуя, что царапаю кожу. Ничего больше не чувствуя.

А потом мне показалось, что мир рушится. Он трясся и заваливался, распадался картинка-

ми. В последний момент появился Колосов и задал свой самый любимый вопрос:

— Гурьева, знаешь, кто ты?

Я не знала.

— Вставай! — возмущенно громыхнуло надо мной Пашкино видение.

Я хотела покачать головой, но это было больно сделать, поэтому только сильнее обняла колени. Я сидела около березы. Нападавшая под дерево листва не удержала на себе снег, и даже ухитрилась еще и подсохнуть, так что сидеть было почти тепло и мягко. А тут вдруг какие-то бесцеремонные привидения заставляют меня шевелиться. Кто их придумал? Конечно, я. Вот пускай и ведут себя прилично!

Но призрак успокаиваться не собирался. Из шуршащего пакета он вынул банку, снял с нее крышку, заглянул внутрь, качнул туда-сюда, словно что-то внутри смешивал.

— Вообще-то этим велели умыться, но придется, кажется, по-другому, — задумчиво пробормотал фантом и, коротко размахнувшись, опрокинул надо мной банку.

Ледяная вода плеснулась в лицо. От неожиданности и холода перехватило дыхание. Я распахнула рот — вода стекала с меня ручьями, не давая возможности даже вздохнуть.

— Мало, — Колосов снова изучал содержимое банки. — Надо было три литра брать.

— Офонарел! — заорала я, вскакивая.

— Вот, уже лучше, — кивнул Пашка.

Это был и правда он. Джинсы, черная дутая куртка, как всегда, взлохмаченные волосы. Пока я собирала руки-ноги, пока отряхивалась и выгоняла из-за шиворота затекающие туда противные ручейки, Пашка успел поставить банку на землю, отложить пакет и достать длинный нож. Я перестала дергаться, уставившись на черное лезвие. Колосов оглядывался, словно примерял, куда после убийства пристроит мое тело.

— Ты что? — отпрянула я.

Пашка взял нож в кулак, подошел к низенькому торчащему из снега пню и воткнул его в корявый с отошедшей корой бок. Пень был еле виден, Колосову пришлось сильно наклониться. Нож затрепетал железной ручкой в паре сантиметров над землей. Удивительно было то, что воткнут он был заточенным краем вверх, острие металла дрожало перед моими глазами. Это сразу бросалось в глаза и почему-то настораживало.

— Прыгай! — приказал Колосов и, кажется, впервые оглядел меня с головы до пят, задержался взглядом на босых ногах. — Понятно, — кивнул он каким-то своим мыслям. — А обуться не судьба была? Перед свадьбой насморк схлопочешь, и все — конец торжествам. Прыгай, — подтолкнул он меня в спину.

Вода, нож... Что-то знакомое. Какой-то обряд. Нож, разрезающий связь, вода, смывающая заговоры. Я об этом читала. Ах ну да, «Повседневная жизнь колдунов и знахарей», зелененькая такая книжечка. На обложке ворон и старуха, похожая на Бабу-ягу. Около ее ног череп.

— Шевелись, замерзнешь, — напомнил о себе Колосов.

Видение книги пропало из моей памяти.

— Не могу.

Вода привела меня в чувство, но не прибавила сил. На зубах что-то скрипело. Руки тяжелыми плетьми повисли вдоль тела. Я пыталась их поднять, но они не слушались. Ноги превратились в железные столбы.

— Надо! — Колосов снова пихнул меня в плечо, но помогло это мало.

Пашка широким движением скинул с себя куртку, набросил мне на плечи. В следующую секунду он поднял меня на руки, и я взлетела в воздух. Поднял легко, словно пушинку. А я всегда себя считала человеком не легким. Не в смысле характера, а в смысле веса.

Колосов сделал шаг назад, оттолкнулся ногой. Я зажмурилась.

«Тонк, тонк, тонк», — затрепетало в душе.

«Ах!» — оборвалась внутри какая-то струна.

Пашка тяжело приземлился, по инерции чуть пробежал вперед, упал на колено, негромко чертыхнулся. Плечом я почти коснулась земли, но он удержал меня, подбросил, уверенней перехватывая руками.

— Ничего, ничего... — тяжело дышал он.

Меня словно заморозило — как обхватила его за шею, так и не могла отпустить. Пашка с тревогой посмотрел мне в лицо.

— Ну, что? — спросил.

Держать меня ему было тяжело, и он присел на одну ногу, устроив меня на согнутом колене. Ему приходилось наклоняться ко мне, потому что руки свои я так и не разнимала.

— Подожди...

Что-то такое внутри произошло, словно до сих пор силы ко мне не пускали, а теперь плотина сломалась — и все недопройденные шаги, недоделанные дела ринулись к ногам и рукам. Мне стало жарко, захотелось вскочить и куда-нибудь побежать.

— Что это? — прошептала я.

На зубы снова попала какая-то песчинка. Я расцепила руки, сплюнула на пальцы черные соринки.

— Уголь. Полезно. — Пашка говорил коротко. — От волков вроде бы помогает.

— Я не о том. Со мной что?

Мне захотелось слезть с Пашкиных рук. Он выразительно поглядел на мои босые ноги, но меня сейчас это мало волновало. Тело плавилось от странного жара, идущего изнутри. Я давно не чувствовала в себе такой силы. В кончиках пальцев рук и ног бегали неприятные мурашки, словно я ухитрилась одновременно отсидеть и то и другое, а вот теперь освобожденная кровь бежала по венам.

— Выздоравливаешь, наверное. Все, как по рецепту. — Колосов перехватил меня, чтобы я не могла сама встать. — Давай! Как там у вас? Сивка-Бурка, вещая каурка, встань передо мной, как лист перед травой! — Он вопросительно посмотрел на меня. — Не так? А как? По щучьему веленью, по моему хотенью... — Снова выжидательный взгляд. — Чего ты молчишь?

— Что я должна говорить? — Его слова меня смутили.

— Ты у меня спрашиваешь? Лучше расска-

жи, в какую опять историю влипла! Я такой бредятины в жизни не слышал!

Захотелось уйти. В чем меня Пашка обвиняет? Я встала с его колена. Подошвы тут же запросили помощи — не сезон для прогулок босиком.

— Стой! Куда потопала в таком виде? — Пашка наклонился к рюкзаку, который скинул, когда отдавал мне куртку, и извлек из него мои спортивные тапочки. Я в них на тренировках по фехтованию занимаюсь. — Обувайся! — Сунул мне в руки тапки, а сам стал нож из пня вынимать.

— Откуда? — Самое время было сойти с ума.

— От верблюда! Чего тянешь? Обувайся и давай, зови своего придурка! Какой у вас позывной? Ты свистишь три раза? Или требуешь, чтобы избушка повернулась к лесу задом, к тебе передом?

— Что ты несешь? — Я вновь посмотрела на нож. Он меня раздражал, хотелось поскорее вытащить его из пенька и спрятать. Чувствовалась в нем какая-то сила. Тревожная сила. — Откуда у тебя нож? Что за вода?

— Вода заговоренная. Должна была всякие нехорошие вещи с тебя смыть. А нож — связь разрезать.

— Разрезать? — Воткнутый в пенек нож дрогнул, словно отозвался на мой вопрос.

— В переносном смысле. Ты должна была через него переступить. — Пашка всплеснул руками, все больше раздражаясь от моей несообразительности. — Ну, прыгали же раньше через костер, очищаясь как бы, а тебе надо было через нож. Поняла?

Ничего я не поняла, а поэтому начала обуваться. На мокрые ноги холодные прорезиненные тапочки натягивались с трудом.

— Лучше скажи, что у тебя случилось! — Пашка вырвал у меня кеды и стал расшнуровывать. — В какую дрянь он тебя затащил? Мне когда стали рассказывать, я подумал, что сплю. Связь у них мистическая, помирает она! Хорошо, дед не соврал, сделал все, как надо. А если б он тебя не нашел, ты бы тут так и мерзла до утра?

При слове «дед» мне вспомнилось странное видение в тулупе и с бородой. Так это что ж выходит? Меня искали? И нашли?

— Какой дед?

О чем-то я уже начала догадываться. Эти Пашкины размахивания руками у меня над головой, разговоры про заговоры... Не для того ли ему понадобились мои тапки, чтобы любовный напиток приготовить? А что? Варишь стоптанные кеды три часа в пяти водах, добавляешь соль, укус по вкусу и подаешь предмету обожания в кубке из черепа конкурента.

— Ты ходил к Мельнику?

Пашка сунул мне в руки кеды, снова усадил к себе на колено, заставил обуваться.

— Я-то ходил, а вот твой где? Почему не бежит спасать свою принцессу? Или у него приемные часы закончились?

— Прекрати. — Я встала. Как же здорово было чувствовать на своих ногах обувь!

— А почему я должен прекращать? — Колосов демонстративно стал отряхивать колени. — Ну да, он же лучше! Таких не бывает на свете!

Единственный! Истинный мачо! Она с ним ночи проводит, а потом в лесу под елкой спит. В качестве разрядки.

Этого в Пашке раньше не было. Он мог быть каким угодно: добрым, злым, голодным (тогда близко лучше не подходить), цинично высмеивать учителей, — но он никогда не был жестоким. А сейчас с большим удовольствием вымещал на мне свою злобу. Устал, что ли? Вон и лицо у него какое-то... как будто бы не свое.

— Макс занят, — коротко ответила я.

Колосов долго, очень долго на меня смотрел. Смотрел, словно хотел запомнить.

— Знаешь, я тебя, пожалуй, больше не люблю, — вдруг произнес он. Вздохнул и стал затягивать веревку на рюкзаке. — Хватит, надоело! А про дружбу я еще подумаю. Тебя любить — здоровью вредить. Я пришел к человеку, думал дел на пять минут, а мне гонки с препятствием устроили.

— Утром мне показалось, что ты шутишь, — пробормотала я расстроенно. — Что ни к кому ты не пойдешь.

Пашка вскинул рюкзак на плечо, подхватил меня под руку.

— Это у вас все шутки, мне уже не до них, — ворчал он, увлекая меня по дорожке к выходу из парка.

— Но ведь ты не на самом деле хотел сделать приворот? — А если бы народная медицина на меня подействовала? Неужели я тогда забыла бы Макса?

— Хочется всегда одно, а жизнь какой-то другой оказывается. И хорошо, что ничего не сделал, мучился бы с тобой потом. Ты же мимо неприятностей пройти не можешь, каждую занозу себе готова посадить.

— Колосов, что ты на меня наезжаешь? — жалобно спросила я. — Хочешь, чтобы я тебя поблагодарила? Спасибо тебе!

— Когда Маркелова про того Мельника рассказывала, — Пашка решил не замечать мою благодарность, сейчас ему хотелось, чтобы его слушали, — я думал, заливает. Какие сейчас мельницы? Только если в кухонный комбайн встроенные. А прихожу — там и правда мельница. На горе музей под открытым небом, помнишь? Около монастыря? Там избы какие-то. И мельница, деревянная. Я-то считал, что декорация, а она работает. Жернова всякие, переходы... Она даже башкой вертит — если ветер изменился, верхнюю часть с лопастями можно повернуть, чтобы они крутиться начали. Реально повернулась. Если бы сам не увидел, не поверил бы. Мужик там такой, обыкновенный. Я поначалу с экскурсией ходил, все на него глядел. Глаза у него странные. — Пашка поднял руку к своему лицу, словно ему не хватало слов, чтобы описать увиденное. — Я такие только в кино видел — смотрит, и тебя током шибает. Он потом сам ко мне подошел и стал в рюкзак тыкать. Я чуть не сбежал. Помнишь, ты как-то свои тапочки в раздевалке оставила? Я и прихватил их, подумал, все равно что приносить. А он тапок в руки берет и начинает тебя описывать. Не знаю, сколько времени мы там проторчали. Комната у

него там есть, за жерновами, травы какие-то сушатся, чего-то еще висит — ну, чистый колдун. Куда твой Конек-горбунок смотрел? Мельник сказал, что ты, считай, уже мертвая была. Что человек, с которым ты была завязана, держался только за счет того, что силы у тебя брал.

— Я и так замерзла, а ты меня сверху холодной водой еще полил, — с упреком бросила я. Мне и сейчас было холодно. Мокрые голова и свитер — в середине-то ноября!

— Извини, время года сама выбрала. Мельник у меня на глазах воду заговорил. Уголь в кастрюлю бросил и стал что-то шептать. Я сначала все сдерживался. Смешно ведь: сидит мужик и на полном серьезе углем по воде водит. А потом вода как начала ходить да плескаться, я чуть со стула не упал. Мужика дергать начало, он ту кастрюлю с водой едва не опрокинул. А потом перелил все в банку и велел тебя ею умыть, а потом дать выпить.

— Выпила, — кивнула я, вспомнив, как уголь скрипел на зубах, а значит, воды нахлебаться успела. — Дальше что?

— Дальше дядька сказал, что связь вашу надо разрезать, и нож достал.

— Слушай, ты случайно за все это душу свою не заложил?

— Тебя заложил. — Пашке не нравилось, что я не до конца верю его словам. — Обещал привести тебя в гости на чай. Сказал, что ты очень интересный человек.

— Еще что Мельник сказал?

— Чего ему говорить? Взял нож и стал над ним колдовать. Велел воткнуть куда-нибудь, чтобы ты перепрыгнула...

— Где-то я это уже слышала...

— Меньше фильмов ужасов смотреть надо!

Но дело было не в фильмах. Это же есть почти во всех сказках! Ударился волк о землю и превратился в добра молодца... Или воткнул палку в землю, перепрыгнул ее и обернулся козлом с рогами... В кого хочешь, в того и перекинулся. И назывался он человек-оборотень. Народные приметы, легенды и обычаи.

— Чего тормозишь? Идем скорее! — подогнал меня Пашка.

Мы почти вышли из парка. За спиной оставалась ночь. Она неодобрительно покосилась на меня, с сожалением вздохнула — ей не хотелось терять свою добычу. Интересно, сколько людей вот так пропадают в ночи? И какого черта Катрин меня утащила?

— Я видела какого-то деда, который прошел мимо. — Я прибавила шагу. Хотелось поскорее добраться до света фонарей.

— Благодарность в оплату не входит, — усмехнулся Колосов. — Принесешь мне ее потом на блюдечке с золотой каемочкой.

— Это был Мельник?

— Он отправился тебя искать. Когда отдал нож, странно так на меня посмотрел и сказал, что твои дела совсем плохи. Отстранил меня, ушел в угол и стоит там, бормочет что-то. Я скорее тебе звонить. А мужик потом подходит и говорит, что ты в парке, в нашем, ближайшем. И что надо торопиться. Я поймал такси, пом-

чался. Надо теперь нож чуваку занести. Ну и расплатиться, наверное, как-то.

— Пашка! — позвала я.

Фонари, первые дома. Десять минут, и я дома. Несколько дворов, которые уже никогда не смогут меня напугать, ошметки ночи, спрятавшиеся от света фонарей под днищами машин. После долгой болезни странно на все это было смотреть. Внутри меня что-то изменилось, а вокруг все прежнее. И только сейчас в моей голове начали складываться пазлы — что и почему произошло. Хватит сидеть и ждать. Хватит надеяться, что кто-то за меня что-то сделает. Я сама должна защитить себя, сама должна от всего этого избавиться. Значит, мне нужно оружие. Чтобы больше никто близко ко мне не подошел. Чтобы Катрин даже в голову не пришло заглянуть мне в окно. Чтобы никакие Смотрители не смели мне угрожать. Я нужна Смотрителям, они приедут, и я поставлю свои условия.

— Мне нужна сабля.

— Гурьева, ты в курсе, что харакири нынче не в моде? А для отрубания головы нужна гильотина.

— Причем боевая, — усложнила я задачу.

— Ты чокнулась, — покачал головой Пашка. — За хранение и ношение холодного оружия знаешь что бывает?

— Достань.

— Если в суде пойду как соучастник, то достану. Хоть на скамье подсудимых рядышком посижу.

Не человек — человечище. Это я про Колосова знала всегда.

— Ты очень хороший, — прошептала я, обнимая Пашку.

Колосов резко притянул меня к себе, оглушительно чмокнул в ухо и прошептал:

— Уговорила, оставлю для тебя место друга. Но на любовь не рассчитывай.

В душе сладко защемило, сердце бухнуло, меня наполнил радостный восторг. Что означало только одно — сюда идет Макс.

— Тебе лучше меня отпустить, — прошептала я.

— Уже поздно, — отозвался Колосов и еще некоторое время не разжимал объятия.

Потом раздались шаги, и стоять в такой позе стало как минимум глупо.

Глава VIII

ГАДАНИЕ НА РОМАШКЕ

Я уверена: Макс специально шумел, прежде чем вынырнуть из-за гаражей. Он все видел. И нам с Колосовым даже не понадобилось резко отпрыгивать друг от друга, чтобы изобразить, будто мы идем, выдерживая между собой расстояние в десять метров.

Пашка специально очень медленно развел руки. Я стянула с себя куртку, протянула ему.

— Спасибо.

— Не за что.

Колосов буравил взглядом Макса. Тот стремительно сбросил с себя куртку, накинул на меня, секунду постоял, глядя мне в лицо. А я вот